

Илья Бушмин

Зона преступности

сборник

Илья Бушмин

Зона преступности. Сборник

«Издательские решения»

Бушмин И.

Зона преступности. Сборник / И. Бушмин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746508-7

Сборник избранных произведений российского автора Ильи Бушмина, работающего в жанре полицейского детектива. В данное издание вошли сразу три остросюжетных романа: «Под подозрением», «Вторжение» и «Взрывная волна». Для ценителей криминального жанра.

ISBN 978-5-44-746508-7

© Бушмин И.
© Издательские решения

Содержание

Под подозрением	6
Пролог	6
Часть 1	8
1	8
2	14
3	18
Часть 2	30
1	30
2	36
Часть 3	46
1	46
2	54
3	60
Часть 4	66
1	66
2	71
3	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Зона преступности

Сборник

Илья Бушмин

© Илья Бушмин, 2016

ISBN 978-5-4474-6508-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Под подозрением

Пролог

В чувство Филина привели по-садистски жестко. Хрулев просто схватил его за левое плечо и вонзил большой палец в центр марлевой повязки, которая закрывала огнестрельную рану. Пуля прошла насквозь сквозь мягкие ткани, а благодаря многочисленным обработкам и перевязкам пулевой канал внутри мышечной ткани срастался. И вот теперь Хрулев, жестко ухмыляясь, вонзил палец прямо в рану.

Боль была такой адской, что Филин, мгновенно придя в сознание, заорал во весь голос и тут же сорвал его до хрипоты. Хрулев отступил в сторону, он продолжал ухмыляться и почти любоваться извивающимся на стуле Филиным.

– Оклемался. Хорошо. Теперь я хоть буду знать, где у тебя кнопка.

– Б... дь, – простонал Филин, тяжело дыша.

Его передергивало и корежило от боли. Покосившись на плечо, Филин увидел, как марлевая повязка быстро пропитывается кровью изнутри. Он взвыл от ярости.

– Ну ты и гнида, Хрулев... Ты мне ответишь! Клянусь, ты ответишь...

Филин не узнавал собственный голос – он звучал так, словно Филин набрал в рот камней. Паршиво...

Сразу же Филин получил в новый удар, кулаком в солнечное сплетение, и захлебнулся собственным дыханием. Он согнулся, чувствуя тянущую противную боль в напряженных суставах рук, скованных сзади наручниками. Филина скрутило пополам и в очередной раз вырвало.

Глаза слезились, но он увидел, что в рвоте, хлопьями разбросанной по его ногам и полу вокруг, крови почти не было. Значит, необратимых повреждений пока нет.

Филин не знал, как долго продолжалась эта экзекуция. Час? Полтора? Два? А может, даже три?... Филину казалось, что он провел здесь уже целую вечность. В камере для допросов не было окон. От мощных ударов его мучителя глаза Филина заплыли и налились кровью, лицо распухло и местами почернело. Кровь сочилась из разбитого рта и из уха. Вся грудная клетка стонала при каждом вдохе – возможно, у него уже трещины и переломы ребер. В голове звенело, перед глазами плыло, а голос Хрулева доносился до него, словно сам Филин находился в огромном колоколе под водой.

– А ты, Филин, оборотень похлеще всех, с кем я дело имел. А я повидал многих, уж поверь... Но ты... это что-то особенное. Одно дело – это заяву затереть или доказуху сфабриковать. Этим все опера грешат, чего уж скрывать. Ну или какому-нибудь уголовнику на допросе почки отбить. Но мочить людей... Серийный убийца, маньяк. Я на тебе карьере сделаю.

А потом были новые удары. От некоторых Филин стонал, от некоторых кричал. Он знал, что его крики никто не услышит. Допросная находилась в глухом подвале городского УВД. Здесь были достаточно толстые стены для того, чтобы никто наверху ничего не услышал – даже, если с человека будут сдирать кожу.

Допросная – не самое подходящее слово для этого помещения. Скорее, пыточная...

– После всей той кучи трупов, Филин, я с тебя не слезу. И ты у меня напишешь чистуху, – процедил Хрулев, наступая и готовясь нанести новый удар. Филин сжался, чтобы попытаться уберечь внутренние органы.

Но он знал, что это бесполезно. Если Хрулев действует, не боясь оставить следы – значит, ему дали отмашку сверху. А это значит, что Филина могут бить, пытаться и мучать не только всю ночь. Экзекуция может продолжиться и на следующий день. И на третий. И даже на четвер-

тый. Могут сделать инвалидом. А могут забить до смерти. Сейчас Филин верил, что Хрулев способен на все.

Филин верил, что убийцы заслуживают самого сурового наказания. За свою жизнь он видел слишком много смертей и крови и понимал, что некоторые из двуногих – не люди вовсе. Люди не способны на такие зверства.

Филина обвиняли в целой куче смертей. Жестоких убийств незащитных людей. А по телевизору он собственными глазами видел свое фото – ведущая зловеще повторяла и повторяла фразу «серийный убийца». Один раз даже промелькнуло зловещее слово «маньяк». Для многих он – такой же человекоподобный зверь, заслуживающий самого страшного. Если Филина даже забьют до смерти в этой пыточной... кто в городе будет плакать? Кто будет взывать к правосудию?

Проблема была лишь в одном. Капитан уголовного розыска Алексей Филин никого не убивал.

Часть 1

1

За две недели до этого

Несмотря на время – было только около 10 вечера – Филина клонило в сон. Сказывалось то, что перед выездом на заявку он не успел глотнуть кофе в отделе. Косясь из окна ползущего по ухабам фургона «дежурной части» на проплывающие мимо темные покосившиеся домишки и слушая урчащую рацию, он не заметил, как задремал. Разбудил его голос водителя, который буркнул в микрофон рации:

– Слушаю, Тайга-2.

– Вы где? – захрипела рация голосом диспетчера.

– С заявочки возвращаемся. По Инструментальной.

– А, вы рядом, – сообразил диспетчер. – Короче, Магистральная, 13. Избили кого-то сильно, уже два сигнала было. ППС выслал.

– Понял, Тайга-2, – взгрустнулось водителю.

– Филину скажи, пусть определится, на что похоже. Если тяжкие телесные, пусть свистнет.

Повесив микрофон, водитель обернулся на Филина:

– Слышал?

– Пусть не учит папу любить маму, – проворчал Филин.

Белая с синей полосой полицейская «Газель» свернула на ближайшем перекрестке и поползла на адрес.

Промышленный район всегда был самым криминогенным в городе. В прошлом веке, в расцвет индустриализма в стране, здесь, тогда на окраине, отгрохали несколько заводов. Половина из них уже давно закрылась. Но тогда заводы стали обрастать жилыми кварталами, где оседали работяги и их семьи. Застройка велась абы как, и половина улиц района до сих пор имеют странные изгибы. Они петляют змеей, разве что в узел не заворачиваясь. Дополняют картину железнодорожные пути, испещряющие районную карту – «железки» тянутся от ворот предприятий к общему полотну в несколько рядов, которые через несколько километров упираются в городской вокзал. Чем дальше вглубь Промышленного, тем более темные улицы, грязные дороги, убогие дома и угрюмые люди.

Криминальная обстановка в Промышленном районе всегда была паршивой. Нигде в городе нет столько судимых, наркоманов, алкашей и маргиналов, как в Промышленном. Преступления – соответствующие. Заказух – единицы, причем часто их сразу забирает городской главк. Какие-то крупные ОПГ – тоже. Зато угонов и краж, гоп-стопов и разбоев, поножовщин и бытовых по пьяной лавочке – столько, что угрозыск Промышленного ОВД (или, как теперь это называется, ОМВД №3) буквально захлебывался.

Поэтому, когда много лет назад Филин пришел в ментуру и был направлен по распределению именно сюда, в Промышленный, то первые пару лет он мечтал лишь об одном – выбраться отсюда. А потом... Выучил район и свою «землю», к которой он, как опер-территориал, был прикреплен. Даже завел агентуру. Обзавелся квартиркой неподалеку от ОВД. Да и привык, как это всегда бывает.

В эти сутки Филин дежурил от оперов. С вечера – вал заявок в отделе. Возвращаясь домой, люди видели, что квартиры, дома или гаражи вскрыты. Одновременно начали поступать пассажиры от ППС – в основном перепившие бедолаги. Последней заявкой был очеред-

ной семейный мордобой. Соседи вызывают ментов на адрес минимум раз в неделю. Мужа Филин отправил проспать в отдел, жена с красочным фингалом пообещала подойти и написать заявление. Филин знал, что этого не будет. Не впервой.

Когда фургон дежурки добрался до дома 13 на Магистральной, во дворе уже стояли машина ППС и «скорая». Люди в синих мундирах и синей униформе фельдшеров неотложки возились на грязном пространстве перед домом, которое когда-то было детской площадкой. Когда Филин выпрыгнул из «Газели», к нему шагнул ППСник Самохин.

- Здорово, Филин. Ты сегодня по заявочкам?
- Нет, чисто на тебя полюбоваться заскочил. Что тут?
- Чувачку знатно рыло начистили.

Филин обернулся на дом. Около одного из подъездов судачили две пожилые женщины, с любопытством наблюдая за возней около избитого.

- Дэн, поговори с теми двумя леди пока, вдруг они видели что.
- Хмыкнув, Самохин направился к дому.

Двое фельдшеров с помощью самохинского напарника перекладывали терпилу на носилки. Подойдя к ним, Филин увидел распухшее от синяков и побоев лицо молодого человека. Он был без сознания. На его шее он заметил извилистую татуировку.

- Погодите-ка, – Филин присмотрелся к избитому. – Опа. Так это же Буча.
- Рады за вас, – съязвил фельдшер. – Можно его грузить?
- Секундочку. – Филин принялся шарить по карманам Буча. – И что с ним?

– Побои, колото-резаных и проникающих нет, это уже хорошо, – отозвался фельдшер. – Но били от души. Вряд ли голыми руками. Может, бита, может, кастет. Сотрясение, возможно черепно-мозговая.

В карманах Буча Филин нашел ключи от дома, кошелек, телефон – ничего интересного. Прихватил лишь ключи. Отступив, Филин поинтересовался:

- Куда вы его?
- Третья городская, они сегодня дежурят.
- Вы им там про телефонограмму скажите.

Кивнув, фельдшер махнул рукой коллеге, и вдвоем они загрузили Буча в «скорую». А Филин направился к подъезду, где Самохин расспрашивал пожилых женщин.

– Вот, это Марья Петровна, она в дежурку звонила, – поведаль Самохин, указывая на одну из старушек.

– Я только домой пришла, слышу крики за окном, – возбужденно зажестиковала женщина. – Как будто убивают кого-то. Я к окну, так не видно же ничего. А там все кричат и кричат, и крики такие... такие жуткие... ну, знаете, как будто...

- Как будто убивают кого-то? – догадался Филин.
- Вот-вот!
- Говорите, домой только пришли? А откуда шли, если не секрет? Поздно же.

– Так из соседнего подъезда, от подруги. Что, думаете, я по ночам шараться по улицам буду? Совсем что ли дура?

Пряча улыбку, Филин указал на выползающую со двора «скорую».

- Этого знаете? Бучельников. В вашем доме живет.
- Так это он, – протянула старушка. – Доигрался, значит?
- Ну-ну, – многозначительно поддержала ее вторая.
- Когда домой возвращались, видели его во дворе?

– Видела! Он тут вот рядом стоял, – старушка махнула рукой в сторону, – Говорил с кем-то. Даже не говорил, ругался. Громко, с матом. Докричался, значит?

- Ну-ну, – поддержала вторая старушка.
- А с кем ругался, видели?

– Смутно, – поспешно подчеркнула старушка. – Узнать точно не смогу.

– Конечно, – не стал спорить Филин. Заявлять, что сможешь опознать преступника – дело еще более дурное и опасное, чем шарахаться по ночам по улице. – Ну а вот даже смутно? Как примерно выглядел? Толстый, худой, высокий, низкий?

– Бугай такой. Да, бугай. Высокий, здоровый такой лоб, знаете.

Буч жил в соседнем подъезде. Отработав в районе не год и не два, Филин отлично знал Марата Бучельникова. Сидящий на героине мелкий барыга с двумя условными сроками. Как он умудрился дважды получить условку за наркотики – Филин не знал. Подозревал, что Буч просто сливал кого-то в обмен на максимально мягкое наказание. Прощельга он был еще тот. Хотя когда ему ничего не грозило, Буч всегда гнул пальцы и строил из себя крутого.

«Достроился. Ну-ну», – невольно подумал Филин, заходя в грязный подъезд. Пятиэтажка-хрущевка, лифта нет. Хорошо хоть, квартира Буча была на третьем этаже. Старая и шаткая деревянная дверь с дешевым замком. Филин позвонил в дверь. Тишина. Тогда он открыл квартиру ключами Буча.

Филина встретили вонь и темнота.

– Есть кто-нибудь дома? Полиция.

Достав телефон, он включил фонарик – хвала разработчикам за эту функцию. Посветив себе, увидел мусорные пакеты у стены, разбросанную обувь, пустые бутылки. Настоящий бардак, и это только прихожая.

– Есть кто-нибудь дома? Ау? Полиция.

Филину никто не отвечал. Но он уловил какие-то странные, далекие и близкие одновременно, звуки. В этой темноте и вони было жутковато. Филин достал пистолет, снял с предохранителя. И, светя перед собой, побрел внутрь. Надо было взять с собой Самохина, запоздало подумал он.

Продираясь в темноте вперед, Филин оказался на пороге гостиной. Заглянул внутрь. Жуткий бардак. Почти никакой мебели и никакой техники, кроме полуразбитого ноутбука на грязном матрасе. Пустые бутылки, какие-то кастрюли. Повсюду тряпки. С потолка свисали гирлянды, от которых все выглядело сюрреалистично и еще более жутковато.

С двери с тихим шорохом упала какая-то тряпка. Филин невольно отскочил назад, вскинув оружие. Выматерился. И, выйдя в прихожую, побрел по коридору в другую сторону. Пистолет не убирал. О квартире Буча ходила дурная слава. Если здесь кто-то из обдолбанных корешей-клиентов Буча – можно и между ребер перо получить.

Теперь звук приближался. Двинувшись вглубь квартиры, за углом Филин наткнулся на другую дверь. Железная и надежная, с мощным замком. Из-под нее пробивался свет. Звук шел изнутри. Лишь теперь Филин сообразил, что это за звук. В комнате за железной дверью, словно ведущую в тайный бункер, мирно работал телевизор.

С облегчением выдохнув, Филин постучал в дверь.

– Откройте, пожалуйста. Полиция.

– Кто это? – раздался из-за двери настороженный голос. Женский. Этот голос Филин пару раз уже слышал. Мать Буча.

Теперь все встало на свои места. За дверью была спальня. Отгородившись от собственной квартиры железной дверью, там жила мать Буча.

Еще одна социальная трагедия. В Промышленном таких историй тысячи.

– Полиция. Уголовный розыск, капитан Филин.

– Что вам нужно? Как вы вошли?

– Вашего сына сильно избили во дворе. Его увезли в больницу.

После паузы дверь приоткрылась. Тощая и изможденная женщина, ей было не больше 50, но выглядела она значительно старше. Филин показал ей удостоверение. Убедившись, что это полиция, Бучельникова с облегчением пропустила его в комнату.

Кровать, стол, холодильник, телевизор, шифоньер – и все это в крохотной клетушке три на три метра.

– В больницу?

– В третью городскую. Во дворе Марат с кем-то ругался. Я хотел спросить, к нему вечером заходил кто-нибудь? Может, вы слышали, видели?

– Да что я могу слышать, – горько усмехнулась женщина, садясь на кровать. – У него постоянно кто-то отирается. Они слушают музыку, ржут до утра, дерутся, – чего у них только не бывает. А я прихожу домой с работы и сразу закрываюсь тут. Сижу, включу телевизор, чтобы не слышать ничего. В туалет даже боюсь выйти. Вдруг какой-нибудь наркоман из его дружков прибьет меня. В собственной квартире... Житья с ним нет никакого...

Но Филин не сдавался.

– А кто из его дружков чаще всех бывает? Может, вы хоть кого-нибудь знаете?

– Ерофеев Федька, – подумав, отозвалась Бучельникова. – Одно время часто заходил. Сейчас не знаю... Я от этих наркоманов бежать готова на край света, лишь бы рожи их не видеть. Знали бы вы, какво это живется. В собственной квартире боюсь спать. Только дверь железная и спасает. Это не жизнь, а...

Она попыталась найти сравнение, но, вероятно, не смогла. Потому что, подняв на Филина потухшие глаза, произнесла:

– Лучше бы его убили...

Социальная трагедия. Возражать женщине было невозможно, а соглашаться – неправильно. Филин был с ней согласен. Но он промолчал.

Вернувшись в «Газель», Филин первым делом спросил у водителя:

– Сигналы еще были?

– Был один, но там ложный оказался. Пока голяк. Поехали в отдел, а? Я жрать хочу, не могу.

– Поехали, – согласился Филин. – Только давай крючок сделаем по Западной.

Заводя двигатель, водитель помрачнел и выматерился.

– В кабак этот зайти хочешь? Опять? Филин, каждое твое дежурство мы в этот кабак...

– Это работа, – возразил Филин. – Тут три квартала до кабака. А Буч наркотой банчил. При нем ничего нет. Рожу ему начистил кто-то знакомый. Если он разжился бабками, почему бы ему в ближайшем кабаке пивка не хряпнуть, а?

Водитель лишь вздохнул, выезжая со двора.

Охранник на входе встретил Филина настороженно и недружелюбно.

– Опять вы?

– Какие-то проблемы, Локоть? – процедил Филин.

– Нет, никаких проблем. Заходите.

Энтузиазма в его голосе не было, но Локоть сразу же отступил в сторону. Провожая опера недобрым взглядом, снял с пояса рацию.

– Скажите боссу, этот мент снова здесь.

Когда Филин шагнул внутрь, в ушах сразу загремела клубная музыка.

Во всей округе «Саванна» был единственным развлекательным заведением, не считая пары убогих и грязных пивных. В «Саванне» можно было не только выпить, но и перекусить и даже потанцевать самому или посмотреть на то, как это делают другие. Например, танцовщицы «Саванны». Конкурентов у «Саванны» не было, проблем тоже. Здесь никто не пытался бить окна, воровать, дебоширить и позволять себе прочие выходки в стиле Промышленного района. Почему? Ответ был прост. Хозяин «Саванны» Геннадий Артюков. Более известный в узких кругах как Генка Штык.

На сцене извивалась полуголая танцовщица, по телу которой бегали лучи светомузыки. В свете вспышек на танцполе перед сценой резвились человек 10. Идя мимо них, Филин скользил взглядом по лицам танцующих и сидящих за столиками и потягивающих пиво людей. Несколько знакомых. Здоровых «лбов» не было. Но Филин был уверен, что избивший Буча громил не нарисует здесь. В «Саванне» опер появился по другой причине. По той же, что и всегда.

За залом с танцполом было второе помещение, с барной стойкой и столиками. Здесь было тише, светлее и благороднее. В этом зале отдыхали те, кто мог позволить себе не только пиво. Идя через зал, Филин видел, как бармен сверлит его глазами. Но при приближении опера бармен улыбнулся.

– Господин капитан. Как обычно?

Филин кивнул, присаживаясь к стойке. Пока бармен колдовал с кофе-машиной, делая эспрессо, Филин осматривался в зале. Взгляд зацепился за типа, который выпивал в компании с размалеванной девицей. Рожа типичного урки. Наколка на пальце. Наш клиент.

– Все спокойно?

– У нас всегда спокойно, господин капитан.

– Не сомневаюсь. Здоровый лоб на нервах не заскакивал?

– Я не видел, господин капитан. Ваш кофе. Это за счет заведения.

А вот и Штык. Уже предупредили. В дорогом костюме, но без галстука. Рубаха расстегнута на верхние пуговицы, демонстрируя золотую цепочку. На запястье швейцарские часы. Выйдя из служебных помещений, Артюков, натянуто улыбаясь, направился к Филину.

– И снова вы. Никак мимо проехать не можете, Алексей Борисыч.

– Работа такая... Штык.

Улыбка на миг слетела с холеной физиономии Штыка. Но он тут же взял себя в руки и снова натянуто и фальшиво, при этом даже не пытаясь это скрыть, улыбнулся.

– Мы полицию не вызывали.

– Это кто? – Филин кивнул на урку.

– Клиент, Алексей Борисыч.

– Тут неподалеку одного типа избивали. Около часу назад.

– Этот человек сидит здесь уже давно, минимум два часа, – поспешно вставил бармен.

Филин снова оглянулся на урку.

– Графин почти полный. Или это второй? По нему не заметно, что он уже вылакал пузырь.

– Алексей Борисыч, – после паузы сказал Штык. – Давайте не будем мешать друг другу жить, хорошо?

– Мешать друг другу? – сухо хмыкнул Филин. – Штык, не переоценивай себя. И кстати. Если уркаган вроде тебя открыл кабак и прикинулся, он не перестал быть уркаганом.

Штык-Артюков с удовольствием врезал бы Филину, Филин видел это по его лицу. Филину нравилось злить ублюдка.

Филин направился в туалет, – они располагались напротив служебных помещений и двери в кухню «Саванны». Но перед тем, как зайти в кабинку, Филин проверил соседние. Пусто. Тогда он достал телефон и набрал заученный наизусть номер дежурки.

– Это Филин. Я в «Саванне», тут какой-то мутный чел водяру хлещет. Пришли наряд, который поближе. Только оформи как звонок от анонима, понял?

Дежурный знал, что делать. Поэтому Филин не спешил. Зайдя в кабинку, он сделал свои дела. Неторопливо помыл руки. Оторвав бумажное полотенце, Филин вышел из мужского туалета.

В это время из женского туалета вышла девушка. Она невольно вздрогнула при виде Филина.

– Ой...!

Это была одна из танцовщиц клуба – стройная девушка лет 20 с небольшим, в покрытых стразами шортиках и лифчике. Первое, что заметил Филин – испуганный, даже какой-то затравленный взгляд. И причина была не в Филине. Но было что-то еще. И почти сразу Филин сообразил, в чем дело. Несмотря на толстый слой косметики, он наметанным взглядом успел разглядеть синяк под глазом и припухшую скулу.

– Не бойтесь, – сказал Филин, выбрасывая в урну полотенце и не сводя глаз с девушки. – Или вы не меня боитесь?

Девушка попыталась изобразить улыбку, обозначающую «Очень мило, но отвали» и ретироваться, но Филин взял ее за локоть.

– Кто это вас?

– Что?

– Синяки. Кто вас избил?

– Отвяжись от меня, – буркнула девица, попытавшись забрать руку. Филин настойчиво повернул ее к себе, потянув за локоть.

– Эй, я из полиции. Если есть проблемы, я могу помочь.

– Нет у меня никаких проблем, ясно?

Голос девушки говорил об обратном. Она была на взводе и у нее были проблемы. Нахмурившись, Филин смотрел на девушку. Подрагивающий подбородок. Она нервно и с откровенным страхом покосилась на коридорчик, ведущий в зал с баром.

– Штык? Его боишься? Это он?

– Вы меня вообще слышите? – девица была на грани истерики. – Мне надо работать! Отпустите!

– Как знаешь, – Филин не отпускал ее локоть. – Но если вдруг передумаешь...

Свободной рукой он достал из куртки визитку и протянул ей. Девушка едва не вздрогнула при виде визитки, глядя на нее, как черт на ладан. Новый нервный взгляд в коридорчик. Но Филин не отпускал ее руку. Чтобы отвязаться от него, девица выхватила визитку.

– Хорошо, я взяла, теперь все? Отпустите меня!

– Успехов.

Филин выпустил ее руку. Девушка тут же исчезла в дверях служебных помещений. Последнее, что увидел Филин – ее зажатую, скованную спину. Так выглядит страх сзади.

Когда Филин вернулся к барной стойке, в зал как раз заходили двое ППСников. Филин кивнул им на уркагана за столиком. ППСники тут же направились к нему.

– Добрый вечер. Ваши документы.

– А что такое, мужики? – оторопел уркаган.

– У вас есть документы?

Филин уселся за стойку и принялся за свой кофе. Сжав зубы, Штык наблюдал за ППСниками. Бармен старался не смотреть ни на Филина, ни в зал, ни на хозяина заведения.

Уркаган наконец сдался и достал из кармана бумажку, буркнув:

– Справка у меня.

Справка об освобождении. Шикарно, мысленно хмыкнул Филин. Учитывая нападение на Буча, которое, возможно, являлось разбоем, подозрительных личностей следовало доставить в отделение. Только что откинувшийся уркаган, неизвестно на какие шиши распивающий водку в не самом дешевом кабаке, был личностью подозрительной.

Когда ППСники уводили уркагана, притихшие гости бара провожали их глазами и перешептывались. Вечер для некоторых был испорчен. То, что нужно. Филин степенно допил кофе, достал из кармана полтинник и, небрежно бросив на стойку, поднялся.

– Удачи, Штык. Не прощаюсь, как-нибудь еще заскочу.

Филин двинулся к выходу из «Саванны», спиной ощущая всю ярость Штыка-Артюкова. Филин был доволен. Вечер не прошел насмарку.

В дежурной «Газели» выяснилось, что надо ехать на очередную заявку. Когда они двинулись в путь, водитель не выдержал.

– Дался тебе этот Штык.

– Дался, – мрачно кивнул Филин. – Он рецидивист с тремя ходками за разбой. После его последней отсидки в городе вдруг убивают коммерса и уносят из его офиса больше 15 миллионов. А через полгода Штык открывает самый дорогой в районе кабак и начинает корчить из себя бизнесмена. Выродок драный.

– Ты точно знаешь, что это он того коммерса замочил?

– Только слухи по линии агентуры. Была бы доказуха, давно бы закрыл ублюдка...

– Пусть другие этим и занимаются, тебе-то что? – пожал плечами водитель.

– А то, что Штык открыл свой долбаный кабак не где-то, а на моей земле. Взял голимых бандюганов в охрану – и хрен знает, чем он там занимается, в этом кабаке. Показываться там моя работа. Чтоб Штык не расслаблялся. Такой упырь, как он, не может разом перевоплотиться в законопослушного коммерса, понимаешь?

Водителя разговор начал уже утомлять.

– Да мне плевать, – буркнул он.

– Вот и знай рули себе, – буркнул Филин в ответ и отвернулся к окну.

2

Ночью было две бытовухи, три кражи и грабеж. Под утро еще и изнасилование. Никто не обещал легкого дежурства, но это был уже перебор. Поэтому утром Филин не выдержал и взял себе пару бутылок пива, которые «раздавил», пока заступивший на смену патруль подбрасывал его до дома. В свою квартиру Филин вошел, когда на часах было уже 10 утра. Он сразу бухнулся спать, даже не раздеваясь. Перестал мыться и ложиться в разобранную кровать Филин сразу после развода с Машей, которая настаивала на этом.

Проснулся Филин ближе к вечеру. Приняв душ, поел и выпил кофе – и наконец почувствовал себя способным жить дальше. Позвонил Лене и предложил встретиться. В такие дни – в выходные после суточных дежурств по району – Филин часто забирал ее с работы. Голос у Лены был какой-то странный, но Филин сначала не придал этому значения. По пути к Лене он заскочил в магазин и купил бутылку вина.

Всю дорогу от центра, где Лена работала продавщицей в продуктовом магазине, до ее дома – она жила на участке Филина – Лена молчала.

– Что-то не так, Лен?

– В принципе, нет...

– Но?

– Я не знаю, как сказать, – неуверенно отозвалась Лена, украдкой покосившись на Филина.

Он пожал плечами.

– Как есть.

– Леш... Мне кажется... Как бы это сформулировать лучше... Мне кажется, в общем, что у нас с тобой... Ну... Ничего не получится.

Приехали.

– Ясно, – помолчав, сказал Филин.

– Только не злись, пожалуйста, хорошо?

– Ага.

– Ты злишься?

– У меня только один вопрос, Лена. А по телефону нельзя было сказать?

– Извини, – сконфузилась она. – Я нечасто это делаю. В смысле... рву отношения.

Машина Филина свернула во двор Лены. Филин тормознул около ее подъезда.

– Приехали.

Лена кивнула, но сразу выходить не стала – ей показалось это неправильным.

– Нашла себе кого-нибудь или как?

– Может быть.

– Так и скажи – «да, нашла», – буркнул Филин. – Думаешь, я сцены закатывать буду?

Взрослый уже мальчик.

– Извини.

«Хватит все время извиняться», – хотел сказать Филин, но не стал. Еще подумает, что он пытается действительно закатить ей сцену.

С Леной Ермишко, миловидной 32—летней женщиной, Филин встречался примерно полгода. По выходным, в том числе в выходные после ночных дежурств, а также в те редкие вечера, когда он освобождался от работы пораньше. Познакомились они просто – Лена сама пришла в ОВД. Ее направили к Филину, потому что она жила на территории, за которую отвечал именно Филин – это была его «земля». Подставив под ее автомобиль свою бывалую «пятерку», упырь по кличке Блоха стал требовать деньги и угрожать. Лена жила в Промышленном, но пока от криминала бог ее миловал, здесь она стала жертвой преступников впервые. Для Лены это был такой шок, что она поняла – водить машину она больше не будет. Обычный наезд. Но для Промышленного автоподставы были редкостью, и работа по делу оперу понравилась. А когда Блоха оказался за решеткой в камере СИЗО, Лена «отблагодарила» Филина. Так все и началось. Иллюзий по поводу их отношений Филин не питал. Но почему-то думал, что закончится все несколько иначе.

– Надо было сказать по телефону, – высказался Филин.

Помедлив, Лена взяла его за руку.

– Леш, только не злись на меня. Я хотела сказать тебе спасибо за все, что ты сделал. У меня была сложная ситуация, тот гад угрожал, я даже спать боялась. Ты мне помог, я была тебе просто дико благодарна... А потом все как-то само собой... закрутилось.

– Вроде того.

– Мы видимся редко. Понимаю, у тебя работа такая, но... мне этого мало. И мне нужно двигаться дальше, понимаешь?

– Дело в этом? В моей работе?

– Не только, – нехотя призналась Лена.

– Да нет проблем.

Кивнув и улыбнувшись на прощанье, Лена выбралась из машины. А Филин вспомнил про бутылку вина.

– Стой!

Лена обернулась. Филин взял с заднего сиденья вино и, подойдя, вручил бутылку Лене.

– Это тебе. Удачи, Лен.

Филин сел за руль и уехал.

Никто из теперь уже бывших любовников не обратил внимание на неприметный автомобиль в стороне – темно-красный «Рено-Логан». И уж тем более не заметил, как из салона машины за их прощанием пристально следила пара глаз.

Утром после развода Басов попросил Филина остаться в кабинете. Когда остальные опера вышли, Басов буркнул:

– Опять в «Саванну» заезжал?

– И что? Уркаган, которого по моей просьбе выцепили оттуда, чист?

– Не совсем. Его пальцы по краже проходят. Позавчера в Южном. Откинулся неделю назад, заморыш, а уже наследить успел, – подумав, Басов нехотя добавил: – Хоть эта палка и не нам, но все-таки поздравляю.

– Не зря значит съездил.

– Леха, этот Штык на тебя когда-нибудь крутую жалобу напишет.

– Но ты же меня прикроешь? – усмехнулся Филин.

Басов и Филин начинали работу в угрозыске примерно в одно и то же время. Но Филин после ППС, тогда как Басов после средней школы милиции – «школы оперов» – и уже со званием старлея. И с каждым годом Филин отмечал, что Басов вроде бы работал так же, но был более удачлив. Басов считал иначе. Филин не умел договариваться, не умел быть лояльным, когда того требовала ситуация, и не мог промолчать, когда стоило. Поэтому ничего удивительного не было в том, что Басов – хороший и крепкий опер, но умеющий воспользоваться моментом гораздо лучше приятеля – со временем возглавил уголовный розыск ОВД №3. Тогда как Филин до сих пор ходил в простых операх, хоть и с погонами капитана.

– Я для того шефом угро стал, чтобы твою задницу прикрывать, ага, – проворчал Басов.

– И для этого тоже. Это часть работы, – снова усмехнулся Филин.

Свою «землю» Филин делил с другим опером, Романом Попцовым. Несколько лет назад он переехал в город из райцентра, расположенного в ста километрах отсюда – говорят, не поладил с начальством. Лучшими друзьями они не были, но Попцов оказался нормальным мужиком, с которым было легко работать. Буч жил на их территории, а значит, материал достался им. Звонок в больницу был неутешительным – Буч не умер, но до сих пор находится без сознания.

Ближе к обеду они отправились к Феде Ерофееву, корешу кем-то забитого Буча. Дома его не было.

– Ерофеев гараж неподалеку снимает, – вспомнил Филин. – Прокатимся?

– На кой хрен? Подождем.

– Ерофеев анашой сейчас банчит. А живет он с предками. Батя его мужик крутой, увидит дома траву – башку мигом открутит. Соображаешь, к чему я?

Попцов соображал.

– Врубился, Лех. Сразу бы сказал. Поехали в гараж.

Ерофеев снимал гараж в кооперативе на Заводской. Ворота закрыты, замок снаружи, никого нет. Опера бросили машину на углу, чтобы можно было изнутри наблюдать за гаражом Ерофеева, и принялись ждать.

– Лех, а с каких пор Ерофеев анашой банчит? Он кореш Буча. А Буч героинщик знатный, ему анаша как мертвому припарка.

– Между ними рамсы какие-то были, – отозвался Филин. – Ну ты сам в курсе, Буч строит из себя авторитета. Вот и поцапались. Пару месяцев назад дело было.

– Думаешь, Ерофеев ему рыло начистил?

– Все может быть.

Попцов замолчал, но не выдержал.

– Откуда наводка про анашу, колись.

– Откуда-откуда, – хмыкнул Филин. – Баба его растрепала, Зинка Кучерявая, когда ее ППСы с анашой на кармане хлопнули.

А потом появился Ерофеев. Он пришел пешком, что было странно. Покосившись на выглядывавшую из-за угла машину оперов – Филин и Попцов вжались в сиденья, чтобы их закрыл угол – Ерофеев принялся поспешно открывать гараж. Филин выглянул из-за угла. Ерофеев скрылся внутри.

– Пошли.

Достав оружие, они быстро направились к гаражу. До открытой створки ворот оставалось метров пять, когда оттуда показался Ерофеев с небольшим пакетом в руках.

– Эй, сюрприз!

Ерофеев побелел при виде оперов. Но тут же, швырнув пакет в их сторону, бросился бежать. Филин метнулся за ним.

– А ну стой, придурок!

Ерофеев лишь увеличил скорость. Рыча от злости, Филин мчался за ним, пытаясь сократить расстояние. Но Ерофеев бежал шустро и не собирался сдаваться: петляя между гаражами, он рвался к улице.

– Стой, башку откручу!

Ерофеев вылетел на улицу и помчался по тротуару. Свернув следом, Филин вдруг увидел синюю «десятку» в 15 метрах от угла – Ерофеев на бегу нажал кнопку брелока, заставляя машину вспыхнуть габаритами и с писком сняться с охраны. Он успел прыгнуть за руль и заблокировать все двери, когда Филин оказался рядом и кулаком двинул по стеклу.

– А ну открой!

– Не открою, – возразил Ерофеев.

– Я ж тебе зубы за эти дела выбью!

– Не выбьете!

Ерофеев вставил ключ в замок зажигания. Филин опешил от такой наглости.

– Только попробуй!

Ерофеев завел двигатель.

Филин прыгнул в сторону, вскинул руку с пистолетом и взял висок Ерофеева на прицел.

– Только тронься и я стреляю!

– Если успеете!

Ублюдок. Филин был в ярости. Он чуть поднял руку и сделал выстрел. От этого звука Ерофеев пригнулся, машинально прикрыв голову руками, и тут же испуганно завопил:

– Хорошо, хорошо, я выйду! Только не стреляйте!

– Из тачки быстро!

– И не бейте!

– Из тачки, твою мать, БЫСТРО!

Ерофеев тронул ручку дверцы и, жалкий и испуганный, выполз из машины. Филин тут же, стараясь делать все максимально грубо, развернул его, швырнув грудью на машину. Ерофеев ойкнул:

– Больно же!

Не выдержав, Филин влепил ему подзатыльник. А со стороны гаражей к ним, улыбаясь, брел Попцов с пакетом Ерофеева в руке.

– Догнал?

– Ты где шляешься, Попцов, твою мать?

– Пакет надо было там бросить? Тут, кстати, анаша нефасованная, граммов двести точно.

– Это не мое! – пискнул Ерофеев и заслужил еще один подзатыльник от Филина.

– Только вякни у меня еще, урод!

Ерофеев пытался намекнуть на «договориться». Филин и сам предпочел бы завербовать его в стукачи и забыть о пакете с анашой, но тут уже было дело принципа. Траву изымали с дежурным следователем. Если бы до дежурки дошел слухок о стрельбе, разбирательство было бы по полной – с выездом начальства и следака СК на место и прочее. Поэтому выстрел в воздух остался маленьким секретом Филина и Ерофеева.

После обеда Филин взял уже оформленного и задержанного Ерофеева в обезьяннике и привел его в кабинет оперов, чтобы поговорить о Буче.

– Буч в больнице? – тот был искренне удивлен. – Да ладно!

– Хочешь сказать, ты не в курсе?

– А я-то тут при чем?

– Действительно. Вы с Бучем разругались в хлам, а потом его кто-то чуть не калечит во дворе. При чем тут ты, в натуре?

– Так это когда было, пару месяцев назад еще, – засуетился Ерофеев. – Ну, цапанулись и цапанулись, с кем не бывает. Я что, на отморозка похож? Если я каждому, с кем поцапаюсь, буду рыло чистить...

– На отморозка еще как похож, – перебил Филин. – Убегать от вооруженных ментов... Ерофеев закрутил.

– Испугался я. У меня в гараже нычка была. Я там фасовал ну и все такое... А тут вы... Но это тем более не значит, что я на Буча полез. Мне с ним не по пути вообще. Я и наркотой не торгую, если что. Торчки слишком озверевшие и тупые пошли.

– А анаша не наркотики?

– Об этом до сих пор спорят в куче стран, а кое-где легализовали ее, так что...

– Вот только не надо мне тут дешевую философию разводить, – поморщился Филин.

– Да послушайте, мне этот Буч нафиг не упал вообще. Хотя... я тут слышал от знакомых кое-что. Он в последнее время оборзел, говорят, совсем.

– Это как?

– Бодяжить стал сильно. Слишком сильно. В итоге не товар, а фуфло. Так что если вы хотите знать, у кого был зуб на Буча, изучите как следует тех, кому он свое фуфло впаривал. Каждый из них с удовольствием бы Бучу все зубы повыбивал.

К сожалению, нотариально заверенного списка клиентов с адресами и телефонами у Буча при себе не имелось.

Филин расспрашивал Ерофеева еще около получаса, пока не позвонили из дежурки. Помдежа коротко бросил, что к Филину пришли. Филин оставил Ерофеева на Попцова и спустился на первый этаж. В предбаннике между входом в ОВД и дежуркой стояли несколько стульев для посетителей. Филин направился прямо туда. И застыл в дверях.

Завидев опера, с одного из стульев встала девушка. Танцовщица из «Саванны». Та самая, с синяком под глазом и с разбитой скулой. Только теперь к старым побоям добавились новые: к девушки была разбита губа, а подбородок слева припух и покраснел.

– Здравствуйте, – произнесла она. – Помните меня?

– Созрели?

Девушка кивнула.

3

Выпроводив из кабинета Попцова и Ерофеева, Филин предложил девушке сесть и даже угостил кофе. Решение прийти сюда далось ей явно непросто. А учитывая, как важно было для Филина подгадать Штыку – а в идеале и вовсе закрыть его – действовать нужно было осторожно на всех этапах. Даже на этом.

– Как вас зовут?

– Катя. Екатерина... Томина.

– Отчество?

– Зачем?

– Для протокола.

По лицу Кати пробежал страх.

– Какого протокола?

Ясно. Поторопился. Филин ободряюще улыбнулся девушке:

– Шутка, не обращайтесь внимания.

– А... что в ней смешного?

– Давайте лучше о вас, Катя. Кто это сделал? Вы ведь поэтому пришли?

Филин указал кивком головы на ее лицо со следами побоев. Катя ответила также кивком.

– Поэтому. Но... не только.

– Это Штык?

– Кто?

– Артюков. Хозяин «Саванны».

– И он тоже. А еще два его... шныря. Локоть и Гепа.

Локоть дежурил у входа в «Саванну» позавчера, когда Филин встретил там Катю. Гепа тоже был в охране бара. Гепе больше бы подошла кличка Шкет: он был коротышкой, не больше 1,6 метра – но низкий рост Гепа с успехом компенсировал широченными плечами и мощным торсом.

– Они вас бьют? Зачем?

Долгая пауза. Катя не решалась начать.

– Это сложно так сразу...

– Мы никуда не спешим.

– Понимаете... Артюков, наш хозяин, и эти два его амбала-шныря... – сделал глубокий вдох и такой же глубокий выдох, Катя начала: – У Артюкова в клубе собирается всякая шваль. Часто его какие-то дружки бывают с уголовными рожами. В подвале бара есть несколько помещений. Что-то вроде VIP-зала. Но для своих, понимаете? Для его приятелей-уголовников.

Начало было интригующее.

– Так.

– И там же пара комнат... Это спальни. Некоторые из девчонок, которые в баре танцовщицами работают, они... как бы это сказать...

– Спят с теми, с кем им скажет Артюков?

– Да. Какие там дела у них творятся, я не знаю. И знать не хочу. Я в бар устроилась не так давно. Сначала все было в порядке. Деньги платят, в самом баре порядок, никто погромы не устраивает. Потом я стала соображать, почему. Артюкова все в районе боятся. Он вроде авторитета.

– Вроде авторитета, – буркнул Филин, сделав особый акцент на слове «вроде». – Но не авторитет. Только вроде.

– Ну вот, я работала, танцевала себе... Потом от девчонок узнала, что некоторые ходят вниз. Узнала, для чего. Я сначала в шоке была. Спрашиваю, как вы можете. А одна, Карина, говорит: «А я сначала не могла. Заставили».

– Били?

– Она не рассказывала. Но у нас все девчонки их боятся... Я сначала занервничала, конечно. Но потом это как-то забылось. А потом... на меня глаз положил один из его дружков.

– Кто?

– Откуда я знаю. Он паспорт не показывал...

– Положил глаз – и?

– Стал подкатывать. Я ему пощечину влепила. Он мне въехал. В живот. Прямо в зале. Артюков его вроде бы уgomонил. Я в шоке была. Говорю, я в полицию пойду и на этого уroда заяву кину. Тогда Артюков заявил, что цацкаться со мной никто не собирается. Если, мол, хочешь к ментам пойти – вперед. «Только потом тебя, сука, найдут где-нибудь за городом, топором порубленную». Это его слова.

– Жестко.

– Я опешила конечно. Говорю, я увольняюсь. Убежала. А потом ко мне приехали эти уроды. Локоть и Гепа. Прямо домой. Я с дуру открыла... Локоть меня ударил, потом зало-

мил руки. Я думала, сломает... А Гепа нож к глазу приставил... И говорит, мол, если завтра не нарисуешься на работе, мы тебя найдем и покалечим.

Филин нахмурился.

– Даже так?

– Это было... неделю назад. Я вышла на работу. Пару дней все было нормально. А вчера... вчера тот скотина опять приперся в бар. Который на меня глаз положил... Я в подсобке спряталась, чтоб он меня не увидел, не дай бог. А потом приходит Артюков. Мол, ты мне нужна внизу.

– А вы?

– А вы как думаете? – нервно отозвалась Катя. – Я в слезы. И он мне опять пару раз по лицу... Говорит, если не включишь мозги, я с тобой буду по-плохому. Говорит, была у меня одна такая недотрога месяца три назад. Тоже из себя... – Катя запнулась, прежде чем продолжить: – целку строила. Пришлось ей заняться. И теперь, говорит, до этой недотроги уже никто не дотронется. Никогда...

– Намекнул, что ее убили? – Катя кивнула. – Вы ему поверили?

– Я у девчонок потом спросила. Никто не захотел ничего говорить. Но у них лица были такие... Я поверила сразу. А я жить хочу, понимаете? Но я не собираюсь ложиться под каждую скотину, на которую мне эта гнида пальцем покажет! – Катя готова была заплакать, но держалась. – Я соврала, что у меня месячные и я сейчас не могу, ну плюс синяки... Сказала, через пару дней буду в норме. Тогда он ушел. А я сразу сбежала. Пospала, потом долго думала, что делать дальше... И вот я у вас. Жить-то хочется...

Филин был в смятении. Он всегда знал, что Артюков-Штык – конченный ублюдок. Но чтобы настолько... Это был сюрприз даже для опера.

– Катя, вы себя в руки возьмите, что ли. Еще кофе? – она помотала головой. – Знаете... Все это серьезно. Но кое-чего я все-таки не понимаю. Зачем все эти сложности?

– Что?

– Зачем угрожать девушкам? Запугивать, избивать? У нас в городе найдутся такие, кто с радостью за деньги будет спать с кем угодно. Зачем такие сложности?

– Откуда я знаю! – в ее глазах было отчаяние. – Вы мне что, не верите?

– Верю. Я вам верю. Но согласитесь, это странно. Я нее могу понять, зачем.

– Я не знаю, почему он не найдет проституток каких-нибудь... Знаете, мне не до этого сейчас! Я знаю, что мне угрожали убить меня, если я не буду выполнять все приказы Артюкова, этой сволочи. Вот, что я знаю. – Она с надеждой посмотрела на Филина. – Вы мне поможете? Вы обещали. Помните?

Когда Филин дал девушке визитку – услышать от нее он рассчитывал что-нибудь другое.

– Помню. И я помогу. Надо только подумать, как... Сколько девушек работает в баре?

– Сколько танцуют или сколько работают всего?

– Сколько девушек, которых уже заставляли пройти через все это.

– Три. Валя, Марина и Света.

Если надавить на девчонок, можно разговорить их и раскрутить на показания. А четыре свидетеля – это уже что-то. Филин достал из ящика листок бумаги и положил перед Катей. Она испуганно посмотрела сначала на Филина, потом на бумагу, потом снова на Филина.

– Что это?

– Нужно ваше заявление. Письменное, Катя. Без него я связан по рукам и ногам и ничего не смогу делать. – Она колебалась. – Где вы живете?

– Я снимаю квартиру.

– Вы не из города?

– Нет. Я из Елецка. Вот.

Катя достала из сумочки паспорт. Разглядывая документ, Филин осведомился:

– Нет желания снять другую квартиру? Такую, где еще не успели побывать Гепа и Локоть?
– Думаете, я дура? Да я сразу же съехала. Я снимала комнату в общежитии на Котова. А сейчас у меня однушка на Паровозной. Почти без мебели и без удобств, зато дешево... О ней еще никто не знает, даже девчонки на работе.

Глядя на девушку, Филин поймал себя на мысли, что Катя ему нравится. Чтобы выступить против такого, как Штык, нужно не бояться. Другая бы просто умчалась из города, куда глаза глядят. Плюс – вроде бы – порядочная. С характером. И гордая.

– Катя. Если никто не знает об этой квартире, пока вам бояться нечего. Пару дней постарайтесь не высовываться из дома. А я попробую заняться Штыком. Но для этого мне нужно заявление.

Филин настойчиво пододвинул лежащий перед Катей лист ближе к ней. Поколебавшись, она кивнула и взяла ручку.

Читая заявление, с каждой строчкой Басов хмурился все больше.

– Что за бред?

– Сам ты бред. Это реальная заявка от реального человека, Дим. Я тебе с первого дня говорил, что мы с «Саванной» намучаемся еще. При таком-то хозяине.

– Ты во все это веришь?

– Синяки свежие.

– Побои?

– Только что сняли, справка у меня.

– Черт...

Басов не испытывал никакого воодушевления по поводу заявления Кати.

– Что, связываться не хочешь? – догадался Филин. – Дим, брось ты. Этот Штык не депутат, не шишка, не родственник какого-нибудь чинуши или генерала – он никто. Просто зарвавшийся урка, которого давно пора поставить на место.

– Да не в этом дело, – нехотя пробурчал Басов, откладывая заявление в сторону. – Сама история мутная какая-то... Нахрена ему все это? Почему не позвать шалава из любого вон борделя? Да желающие в очередь встанут. Дверь закроешь – в окна полезут. И никого бить не надо. Тебе не кажется, что это все какая-то х... ня?

– Вот возьмем Штыка за яйца и спросим, что у него за х... ня.

Басов невольно подхохотнул, а Филин недовольно закричал – фраза прозвучала двусмысленно. Но тут же шеф угрозыска снова сделался серьезным, не собираясь сдаваться так быстро.

– Блин, у тебя работы мало, Леха? Пять висяков по квартирным. Гопники на Турбинной, уже три рывка за месяц... Плюс Буч этот с проломанной башкой...

– Висяками займусь, когда подвижки будут, – тут же отреагировал Филин. – Агентура заряжена. Гопники зашкерились, а ты мне людей не даешь, чтобы порейдовать по вечерам. По Бучу работаем. Напомнить тебе, кто сегодня кучу травы изъел, а? Плюс сам Буч в больнице загорает, пока без сознания. Оклемается – тогда и поговорим.

– Отмазался, да?

– Диман, у нас на руках сто процентов рабочая заявка, – настаивал Филин. – Я этого момента больше года ждал, твою мать. Чего ты боишься?

Басов поколебался, и Филин вдруг начал догадываться сам. Прищурившись, вкрадчиво спросил:

– Погоди. Или Штыка крышует кто-то?

– Не знаю, кто его крышует, – вздохнул Басов без всякого желания развивать эту тему. – Но кое-какие сплетни доходили, было дело.

– Что за сплетни?

– Ты как пиявка на заднице, Филин, честное слово... Якобы мужички из БЭПа как-то хотели на «Саванну» наехать. Потрясти, докопаться, все лицензии поднять, порейдовать пару раз... Ну, сам понимаешь.

– Выставить крышу, – кивнул Филин. – И?

– И не вышло ничего. Команда им пришла от «Саванны» отвалить.

– Откуда команда? – быстро спросил Филин.

– Думаешь, надо было им позвонить и спросить? – заворчал Басов. – «Мужики, а кто вам бар „Саванна“ приказал не доить? А дайте телефончик?»

Но Филин не унимался и даже не собирался сбавлять обороты.

– Дим, одно дело крышевать и прикрывать от проверок. А тут гольный криминал. Бар на моей земле. У меня на руках заява, которая подтверждается справкой о побоях. Перспективы есть. Твою мать, напиши на заяве свою долбанную резолюцию и дай поработать!

Басов сдался. И хмуро спросил последнее, что его интересовало:

– И что ты хочешь делать? По-тихому отработать, повестка и все дела? Или чтоб запомнилось?

Филин ядовито улыбнулся.

– А ты как думаешь?

Басов вздохнул.

Слова Басова заставили Филина задуматься. Поэтому он подстраховался. Местный участковый и БЭП, которых тоже привлекли к операции, узнали о ней за минуту до начала. По телефону. Отключившись, Филин скомандовал по рации:

– Начали.

Машина ППС тут же заблокировала заднюю дверь бара. А затем к фасаду «Саванны» подъехала целая колонна машин: Филин и Попцов на своей, еще один экипаж ППС и фургон, из которого высыпала силовая поддержка – полдюжины крепких ребят в черной униформе, в масках с прорезями для глаз и с автоматами в руках. Охранник на входе – это был Гепа – тут же рванул внутрь при появлении полиции. Но уже через несколько секунд в клуб ворвались спецназовцы, за которыми шагали Филин и Попцов.

– Полиция! – провозгласил Филин. – Выключите музыку!

Танцующие и люди за столиками замерли при виде «маски-шоу». Один из спецназовцев шагнул на сцену и что-то рявкнул ди-джею. Музыка тут же смолкла.

– Полиция! – громко повторил Филин. – Всем оставаться на своих местах и не дергаться, тогда никто не пострадает и все будет хорошо! Приготовьте документы!

Увидев Гепу, Филин бросил спецназовцам:

– Этого сразу в машину. Вы – за мной.

Проходя в сопровождении спецназа через соседний зал, Филин заметил за одним из столиков Тютюню. Тот отвел глаза. Но Филину сейчас было не до него.

Когда Филин и трое спецназовцев ворвались в служебные помещения, идущая по коридору танцовщица испуганно заверещала. Филин рявкнул, схватив ее за руку:

– Где подвал?

Продолжая верещать, она махнула рукой в сторону.

Штык-Артюков, Локоть и двое уголовников расслаблялись за столиком, слушая музыку и попивая дорогой алкоголь. На коленях одного из гостей сидела одна из танцовщиц – девица в шортиках и задранным лифчике со стразами – лапа гостя елозила по ее голой груди.

– Полиция, на пол всем!

Девица взвизгнула, отскочив в сторону и прикрыв грудь руками. Штык оторопело наблюдал, как его гостей укладывают на пол и грубо обыскивают.

– Тебя не касается? – зарычал один из бойцов на Штыка. – На пол!

– Эй, я хозяин бара и...!

Он не успел договорить, потому что боец схватил его за шиворот – Филин услышал, как раздался треск рвущейся рубахи – и швырнул на пол. Локоть поспешно улегся сам, привычно заложив руки за голову и растопырив ноги. Опыт общения с ментами налицо. Боец, который прощупывал карманы и одежду одного из гостей, достал пистолет и показал Филину.

– Ствол.

Но Филина интересовало другое. На столе стояла капсула размером с мизинец, наполненная белым порошком. Взяв ее двумя пальцами так, чтобы не оставить пальцев на боковых сторонах, Филин встряхнул.

– Что это? На герыч не похоже. Штык, уже и коксом балуешься?

– Этого здесь не было, – буркнул Штык.

– Ну конечно. Мужики, пакуйте всех.

Не найдя на столе ничего путного, Филин покосился на закрывавшую свои прелести руками девицу и криво усмехнулся.

– Резко стыдно стало? Выйди куда-нибудь и оденься.

Когда спецназовец поднял Штыка, тот с ненавистью в глазах процедил Филину:

– Ты мне ответишь.

Тогда Филин и сделал то, о чем мечтал давно. С силой, от души и смачно опер двинул Артюкову в рожу. С непривычки костяшкам было больно, Филин расцарапал их о зубы Штыка, но это стоило того. Голова Штыка дернулась, а сам он издал хрюкающий звук и, пыхтя, сплюнул кровь на пол.

Комната, где они находились, была обставлена по высшему разряду. Дорогой деревянный круглый стол, миниатюрная барная стойка, плазменный экран в полстены. В углах комнаты стояли стильные и высокие, в метр, вазы с какими-то ветками – как понял Филин, такие декоративные псевдо-растения сейчас в моде.

Девица, уже в лифчике, вышла из соседней комнаты.

– Ты тоже наверх, – бросил ей Филин, а сам, пока бойцы уводили задержанных, Филин заглянул туда. Катя была права. Полноценная жилая комната с двуспальной кроватью – настоящим сексодромом – посередине.

– Вот черт...

Когда Филин поднялся наверх, проверка шла полным ходом. Руководил Попцов. Некоторых оставляли в покое, на некоторых Попцов кивал, и их тут же уводили. Видя, что очередь Тютюни еще не дошла, Филин шагнул к нему и сухо бросил:

– Документы.

Тютюня, буравя Филина настороженным взглядом, достал паспорт. Сделав вид, что изучает документ, хотя там Филин не мог найти ничего, чего бы еще не знал, Филин тихо бросил:

– На остановке.

Тютюня еле заметно кивнул. Тогда Филин вернул ему паспорт и, обернувшись, бросил дежурящему на входе в зал ППСнику Самохину:

– Этого пропустите. – И, чтобы в глазах массовки оправдать проверку Тютюни, перешел к другому посетителю: – Документы.

Старая и грязная, покосившаяся и побитая там, где только можно, остановка общественного транспорта располагалась метрах в 200 от «Саванны», за углом. Филин смог добраться до нее только через полчаса, когда основная работа была закончена. Тютюня слонялся взад-вперед около остановки. При виде Филина он вздохнул с облегчением и плюхнулся на переднее пассажирское сиденье филинской машины.

– Тютюня, и давно ты в кабаке Штыка отвисаешь?

– А почему нет, – удивился тот. – Это единственный приличный кабачелло в этом курмыше.

– А ты никак баблом разжился?

– Только давайте не будем считать мое бабло, Борисыч, – поморщился Тютюня.

– Если ты что-то мутишь, я должен знать сразу. Лучше заранее быть в курсе, от чего тебя потом отмазывать придется.

Тютюня был осведомителем Филина. И не просто осведомителем, а одним из лучших. В некоторые моменты даже идейным, что сейчас редкость. Например, Тютюня не переносил наркоманов и торговцев наркотиками, от которых по молодости, растя в самом глухом гетто Промышленного района, натерпелся многого. Филин лукавил: Тютюня, хоть и вел свои дела – скажем, Филин точно знал, что Тютюня занимается скупкой краденого – не высовывался, работал осторожно и проблем не доставлял. Но информатором был ценным. Такие агенты для любого опера на вес золота.

– Чисто все, Борисыч, расслабьтесь. Кстати. Я тут по квартирным делам пробиваю, как вы просили. Говорят, неместный хаты чистил на вашем участке, Борисыч.

Филин выругался.

– Так и знал. Гастролер, твою мать... Поэтому и затишье. Черт... Тютюня, а кто он вообще? Хоть что-нибудь мне дай.

– Говорят, типа цыган какой-то. Еще слышал, что он на рынке нашем отирался недели две назад. В шашлычной у Арсена поспрашивай, наверняка там светился. Или у торгашей.

– Уже что-то.

– А вы никак Штыка поджарить хотите, а? Погоны новые Борисыч захотел?

Тютюня расплылся в ухмылке, но, встретив хмурый взгляд Филина, осекся и кашлянул.

– Тютюня, ты Буча знаешь? Его кто-то оприходовал некрасиво. Буч в больнице валяется с сотрясением и уже два дня в сознание не приходит.

– Туда ему и дорога, Борисыч. Буч гнилой черт.

– В курсе. Но сомневаюсь, что тот кто его разукрасил, чем-то лучше. Ничего не слышал?

– Могу поспрашивать, без базара.

– Ты Буча хорошо знаешь? Кто у него закупается? Говорят, это мог быть один из его клиентов. Или нет. Знаю, что это был какой-то здоровяк.

– Здоровяков много, – проворчал Тютюня. – Если что услышу, цынкану, Борисыч. Но много не жди, я за каждую тему хвататься не могу, сам понимаешь.

Филин кивнул. Конспирация и работа по-тихому – всегда в приоритете.

Когда Тютюня вышел из машины, Филин отправился в отдел. Здесь кипела полным ходом работа по результатам облавы. Задержанных отдактилоскопировали и, оформив, допрашивали по очереди – этим занимались Филин и Попцов. Пробирку с наркотой и изъятый пистолет отправили на экспертизу, которая в лучшем случае будет через пару дней. Покончив с гостями Артюкова, Филин взялся за него самого, любясь распухшими и кровоточащими губами Штыка.

– Девчонок избиваешь, принуждаешь к сексу с твоими корешами? Совсем страх потерял? Думаешь, тебя после трех ходок на зоне за такие дела в авторитете держать будут?

– Каких девчонок, какой секс, ты о чем вообще? – горячился Штык. – Я никого не избивал ни разу, зачем мне это? Что за х... ню ты паришь?

– За базаром следи, чмо, – рявкнул Филин. – Или еще раз по роже захотел?

Филин замахнулся. Штык вздрогнул и отпрянул, но тут же налился кровью от ярости – на себя за слабину и на опера за эту выходку.

– На каком основании вы разгромили мой бар? Я как бизнесмен терплю убытки. Вас, может, мои конкуренты наняли?

– Какие конкуренты, Штык? Во всей округе ни одного бара, кроме твоего.

– Тогда кто нанял?

– Еще раз в зубы захотел, урод?

– На каком основании, я спрашиваю? Вы можете мне сказать? Заява какая-то? Хорошо, покажи мне эту заяву, я весь расклад дам. Там порожняк полный, отвечаю.

Параллельно Попцов «окучивал» Локтя, который лишь талдычил словно заученную фразу:

– Я никого не бил, я просто охранник.

– А в подвале что делал? Наркоту на столе охранял, секьюрити недоделанный?

– Зашел по работе на минуту, а тут вы.

– Локоть, мозги мне не парь. На тебя заяву кинули, так что тебе статья грозит. Вместо того, чтобы пальцы гнуть, подумай, как выпутываться. Или на зону захотел?

– Мне нечего сказать. Я никого не бил, я просто охранник.

Когда Штык услышал от Филина про заявление, его глаза на секунду забегали. Секунда – но Филину было достаточно, чтобы понять – все так и было, как сказала Катя. Но Штык мгновенно взял себя в руки.

– Погоди-погоди. Томина заяву написала, да? Вот сучка... Давно надо было ее уволить. Она вчера в баре сцену отмочила. К ней какой-то мужик подвалил, пощупать ее хотел. Ничего особенного, просто поухаживать. Так она, вместо того, чтобы отшить его тихо-мирно, как остальные девчонки делают, по роже ему заехала.

– Да ты что? Вчера?

– Ага. Мужик разозлился, ясен хрен. Пока охрана прибежала, он ей в обратку пару раз съездить успел. Его, конечно, выкинули сразу. Но только я тут при чем? Или она думает, что это мой кореш был? Базара нет, я клиентам улыбаюсь и все такое. Это бизнес, так дела и делаются, аллэ!

– Значит, вчера? А кто в охране был? Гепа или Локоть?

Штык снова замешкался. Ни один из них не был в курсе только что придуманной им легенды.

– Не помню.

– Хороший бизнесмен. Ты под кайфом все время или как, Штык? Ты даже не в курсе, кто у тебя когда работает?

– У меня стресс, б..., непонятно, что ли?

– После трех отсидок ментовская облава стресс вызывает? – издевательски хмыкнул Филин. – Да ты очкун, чувак. Небось, все три срока у параша мотал, а?

Гепа на допросе и вовсе отказался говорить. Он просто молчал, как немой. С танцовщицами и вовсе случился прокол. В отдел доставили трех девушек, которых назвала Катя: Валентину Гантову, Марину Мальцеву и Светлану Богомолу. Валя испуганно отнекивалась:

– Я вообще не знаю, о чем вы. Меня никто не бил ни разу в баре. У нас охрана.

– Я понимаю, ты напугана и покрываешь Артюкова и его шестерок, – убеждал ее Попцов. – Но Валя, если ты дашь показания, их закроют.

Валя продолжала делать вид, будто не понимает, о чем речь. Марина – та самая, которая восседала на коленях у одного из корешей Штыка с задранной до подбородка лифчиком – была более смелая. Ни тени страха и сомнения.

– Да, я была там с ними, на коленях у одного сидела, и что? Я сама захотела. Я женщина, он мужчина, что не так?

– Развлечься захотелось, значит?

– Почему нет? Я молодая и красивая. Чего время терять?

– Давно колешься, Марина?

Дорожку от уколов Попцов заметил сразу, как Марина вошла в кабинет. Она тут же накрыла локтевой сгиб ладонью.

– Они тебя посадили и ты сама? Спишь за дозу, угадал?

– Я не наркоманка.

– Да ладно? А давай я тебя на пару суток в обезьяннике закрою – и посмотрим?

Тут Марина занервничала.

– Я ничего не сделала, хватит меня допрашивать! Когда вы меня отпустите?!...

Допросы продолжались несколько часов. Результат был нулевой. Хотя – почти нулевой. Когда Попцов и Филин вышли из ОВД на ночную улицу и побрели к своим машинам, Филин, закурив, сказал:

– Штык нервничает, хоть и пытается скрыть. Прогнал мне порожняк, якобы Катю вчера какой-то клиент отоварил. Прямо в баре. Я ему предложил написать объяснительную. Он сразу отказался, гнида. Сообразил, что остальные вообще не в курсах.

– Девчонки тоже нервничают, – согласился Попцов. – Одна из них на игле, кстати. И все боятся.

– Если Штык на самом деле со своими корешками одну из девчонок замочил за то, что она упиралась, это в общем-то и неудивительно.

– Все равно я не врублюсь, зачем это.

Попцов покачал головой. Филин был согласен, что ситуация была странной. Если бы девушек держали как рабынь и не платили за секс с клиентами – принуждение было бы логичной для преступников мерой. Но почему, черт побери, Штык не пригласил в свой бар несколько проституток для ублажения своих приятелей?! Филин не понимал этого, как и остальные.

Однако после допросов он окончательно убедился в правоте Кати.

– Штык мутит в баре какие-то свои дела, – сказал Филин, подумав. – Мы не знаем, какие дела. Но ствол, кокаин... Когда ты последний раз у нас на земле изымал кокаин?

– Сегодня у нас что, среда? Дай подумаю... Никогда, – сострил Попцов.

– Вот и я о том же. А тут – на тебе, кокс. Штык хочет развернуться в районе, и «Саванна» для него что-то вроде штаба. Может, он не хочет допускать туда посторонних. Проститутки народ болтливый, сам знаешь. Особенно под кайфом, или когда напьются...

– Гадать можно до бесконечности. Нужна доказуха. А с этим мы хромаем.

– Ни хрена мы не хромаем, – уперся Филин. – Будем копать. Постараюсь выбить обыск у Штыка дома. Нароботаем доказуху, Ром.

Попцов скептически пожал плечами и протянул руку:

– Ладно, до завтра.

Сев в машину, Филин покатил домой. Часы на дисплее над магнитолой показывали второй час ночи. Учитывая вечернюю облаву, не так и рано.

По пути Филин купил 6 бутылок пива. Завтра на работу, но успокоиться он не мог. Зная, что Филин именно сейчас впервые за год имеет возможность подобраться к Штыку вплотную и упечь его за решетку, Филин боялся, что не сможет это сделать – и тот соскочит. Поэтому он думал. А когда мозги и нервы на взводе, тут не до сна. Дома, открыв пиво и включив телевизор, Филин хотел позвонить Кате – но сообразил, что сейчас глубокая ночь. С другой стороны, она танцовщица, привыкшая работать до утра... Рука уже потянулась к телефону. Но Филин остановил себя. Завтра.

А когда он допивал вторую бутылку, сотовый зазвонил сам. Первой мыслью было – что-то срочное в отделе. Кто еще может звонить в два ночи. Схватив телефон, Филин с удивлением увидел на дисплее мобилы имя абонента.

«Лена».

Лена? В два ночи? Спустя сутки после того, как сама же бросила его?

– Аллю?

В трубке была тишина. Полное молчание.

– Аллю, Лен?

Молчание. Прислушавшись, Филин различил еле слышное дыхание. Его слушали. Ничего не понимая, Филин отставил бутылку пива.

– Лен, ты чего? Скажи что-нибудь.

Молчание и лишь тихое дыхание.

– Лен, не смешно. Сейчас два ночи.

Молчание и тихое дыхание.

Внезапно Филин ощутил тревогу. Это была не Лена. Он узнал ее достаточно за эти месяцы. Во-первых, она бы не позвонила, а написала СМС. Во-вторых, даже если бы ей приспичило позвонить среди ночи – совершенно не в ее характере молчать в трубку. А еще... в самом этом дыхании было что-то зловещее. Настолько зловещее, что по спине Филина змеей проползла тревога.

– Лен, что случилось?

Динамик тихонько пискнул, и наступила тишина. Посмотрев на дисплей, Филин понял, что собеседник просто отключился.

– Какого черта вообще...?

Филин набрал номер Лены. Гудок. Еще один. И еще. А потом – еще и еще. Трубку никто не брал. Ничего не понимая, Филин отключился и перезвонил. Та же история. Никто не отвечает.

Отложив телефон в сторону, Филин снова взялся за пиво. Но теперь он думал о Лене. Заскучала? Поняла, что зря рассталась с ним? Лена бы не звонила ночью. Выпила? Все равно. Выпила много? Лена не пила много. После двух бокалов вина ее уже тянуло в сон. Но даже если бы и так – она, черт побери, не молчала бы, слушая, как Филин распинается со своими «Алло».

Мысли о Лене и странном звонке не покидали Филина. И он чувствовал, как тревога нарастает. Тревога и ощущение того, что произошло что-то плохое. Или даже очень плохое. А своей интуиции он доверял всегда. Несколько раз предчувствие спасало Филину жизнь. И вот сейчас это предчувствие говорило ему – беда.

– Черт!

Не выдержав, Филин вскочил. Нацепив на плечи кобуру, сунул в карманы ключи от дома и машины – и шагнул за дверь. Машина еще не успела толком остыть, поэтому, заведя его, Филин сразу дал газу.

Лена жила недалеко, на его рабочей «земле». Десять минут днем, при относительно оживленном дорожном движении, и максимум пять минут ночью. По пути Филин не выдержал и набрал Лену снова. Трубку никто не берет. Чертыхнувшись, Филин сунул телефон в карман и лишь увеличил скорость.

Во дворе было темно и пусто. Выскочив и машины около подъезда Лены, Филин быстро направился к дверям дома. Закрыто. Но Филин на то и опер, чтобы легко решать такие вопросы – на связке его ключей были несколько домофонных «вездеходов» – ключей-отмычек для всех типов домофонных замков, по крайней мере в жилых домах Промышленного. Подошел первый же. Издав тихую и короткую трель, дверь отворилась, и Филин быстро двинулся вверх.

Тревога нарастала с каждым шагом, и последний пролет он преодолевал уже бегом. Вот и дверь. Следов взлома нет, криков и шума внутри – тоже. Филин нажал на кнопку звонка.

– Только не открой, – проворчал он и, на всякий случай, позвонил еще два раза подряд.

Никакой реакции. Машинально Филин тронул ручку замка, повернув и потянув на себя.

Дверь открылась.

В этот момент колокольчик тревоги, позвякивавший в его душе, превратился в набат, который раскатами грома забился барабанных перепонках.

Никто, никто и никогда не оставляет в Промышленном районе открытую квартиру в два часа ночи. Рука сама потянулась к пистолету, и Филин шагнул в квартиру.

В прихожей и комнатах горел свет. Стояла гробовая тишина.

Филин вдруг подумал, каким окажется идиотом, если Лена не одна. Она с мужиком, они лежат в кровати. Мужик, сонно и удовлетворенно развалившись на диване, одной рукой обнимает Лену, а второй и поглаживает свой живот. Будет смешно.

Но Филин в это не верил.

Смешно не будет.

– Лена, ты дома?

Он осторожно шел, пробираясь вглубь квартиры и прислушиваясь. Гробовая тишина.

В единственной жилой комнате однокомнатной квартиры Лены никого не было. Включенный свет, разложенная смятая кровать. Филин заглянул на кухню. Никого. Филин был в смятении. Где Лена?

В квартире было еще лишь одно помещение. Совмещенный санузел, ванная и туалет. Его Филин проверял уже по привычке, лихорадочно гадая, куда могла запропасться Лена из собственной квартиры, даже не заперев ее. Побежала к соседям? «Скорая»?...

Открыв дверь, Филин бросил туда короткий взгляд. И тут же замер, смертельно бледнея и не сводя глаз с того, что он увидел.

Лена лежала в воде. На ней был домашний халатик. Одна нога высовывалась из ванной и свисала наружу. С кончика большого пальца капали редкие капли, под ногой на коврике было влажное пятно размером с кулак. Глаза Лены были открыты, рот перекошен. В глазах застыл ужас. Она была мертва.

Филин был в шоке, он тарасился на Лену и не мог поверить в происходящее. Как это возможно? Медленно, как зомби, шагнув в ванную, Филин дотронулся до торчащего из ванной колена Лены.

Лена была теплой. Ее убили буквально только что. Утопили в собственной ванной.

И вдруг в гробовой тишине квартиры Филин услышал, как хлопнула входная дверь, и по полу прихожей загремел топот ног.

Вскинув оружие, Филин выскочил из ванной и взял на мушку ублюдка.

– Замри, сука! – проревел он.

– Брось оружие, полиция, буду стрелять! – заорали одновременно в два голоса визитеры, беря на прицел Филина.

Пораженный Филин несколько секунд смотрел на них, а они с тем же изумленным видом на него. Эти были ППСник Самохин и его напарник.

– Леха? Ты...? Какого х... я ты тут?

В глазах Филина все плыло, в голове гудело. Словно пьяный, он опустил пистолет и мощной ладонью сжал лоб. Надо собраться, Филин, надо собраться.

– Вас кто-то вызвал? – спросил он.

Самохин, ничего не понимая, тарасился на Филина и на труп в ванной.

– Мы-то ладно, ты тут... Лех, че за дела?

– Вас кто-то вызвал? – не выдержав, рявкнул Филин. – Как вы здесь оказались? Почему сейчас? Отвечай!

– По «02» звонок прошел, что тут человека убивают... Только что. Мы рядом были, минуты две и мы здесь...

Филин не мог в это поверить. Он обернулся на Лену. После слов Самохина до Филина дошел смысл происходящего, и Филин почувствовал, как его прошибает холодный пот, а в груди что-то сжимается.

На телефон дежурной части УВД города звонил убийца Лены. Тот самый убийца, который перед этим позвонил Филину и заставил его приехать сюда.

– Вызывайте группу, – тихо произнес он.

Часть 2

1

– Кто-нибудь из соседей тебя видел, Филин?

– Издеваетесь? Было почти два часа ночи. У меня в подъезде пенсионеры в основном.

– То есть, никто не может подтвердить, что ты вообще заезжал домой перед тем, как убить Елену Ермишко?

Филин поднял глаза на Хрулева. Около 40, сухощавый, жесткое и волевое, но неприятное лицо. Типичный УСБшник, хоть сейчас на плакат-агитку для управления собственной безопасностью. «Погоны еще на вас? Тогда мы летим к вам».

– Дешевый прием, майор. Я не убивал Лену.

– Хорошо. Давай сначала, Филин. Она тебе позвонила. Во сколько?

– Где-то без десяти или без пяти два. Точно не помню. Можно посмотреть в телефоне.

– По твоим словам, ты больше не встречаешься с этой женщиной. Но вот она тебе позвонила, не сказала ни слова. И ты поехал к ней. Объясни, зачем?

– Я уже говорил.

– Скажи снова.

– Она бы не стала звонить и молчать в трубку. Тем более в такое время.

– Почему?

– Потому что не стала бы.

– Ты так хорошо ее знал?

– Мы встречались.

– Как долго, кстати?

– Это я тоже уже говорил. Примерно полгода.

– Примерно полгода, примерно без пяти два... Ты мало в чем уверен, Филин, да? Но готов поклясться, что бывшая любовница не стала бы тебе звонить в два ночи? Забавно. Ты ни в чем не уверен, кроме этого.

– Я уверен много в чем. Например, что ты зря теряешь время, майор. Понятно, выслужиться хочется. Но я ничего не делал. А задача УСБ, если что – не только вешать на ментов всех собак, но и защищать их.

– Во-первых, ты мне не указывай, – процедил Хрулев. – А во-вторых, Филин, тыкать ты своим собутыльникам по отделу будешь. Мне не надо. Уяснил?

Филин промолчал. Покосился на стоящего в стороне УСБшника номер два. Капитан Копылов. Лет 25, максимум 27. Совсем молодой, но уже капитан. Видимо, умеет выслуживаться. Копылов хранил молчание.

Допрос продолжался почти час. Филин не знал, сколько именно времени. Знал, что еще ночь. Опергруппа из отдела прибыла на место убийства Лены уже через 15 минут. К этому времени Филин выяснил, что в квартире Лены ничего не пропало, и успел убедить дежурного бросить всех ППСников на прочесывание района. Опер, работавший в ночь, Филину не мешал. Но уже через полчаса приехали Хрулев и Копылов из УСБ и велели Филину ехать с ним. На этом работа по горячим следам для Филина закончилась, толком и не начавшись.

– Ладно, Филин. Как ты с ней познакомился? Она была твоей терпилой?

– Да.

– По какому делу?

– Автоподстава. Один засранец по кличке Блоха подставился на своей «пятерке» и стал трясти с нее деньги. Обещал свернуть ей голову, если она не заплатит.

– Ты его задержал, а потом трахнул барышню? Молодец, своего не упустишь. Так теперь дела делаются?

Филин, чувствуя, что багровеет, хотел сказать Хрулеву все, что о нем думает. Но тот сам сменил тему.

– Ладно, Филин. Просто посмотри на ситуацию моими глазами. Кто-то звонит по «02» и говорит, что прямо сейчас происходит убийство. Патруль прибывает на место очень быстро. А там они застают тебя со стволом в руках и труп твоей любовницы. Ты бы сам что подумал?

Положение действительно было отвратительное. Но вставать в положение УСБшников Филин не собирался.

– Я работал до ночи. Потом поехал домой. Решил выпить пива. Бутылки кстати до сих пор там стоят. А потом этот звонок. На Лену это было непохоже. Я уже объяснял, майор, эту женщину я знал неплохо. Ночью она вообще не стала бы звонить. Максимум – написала бы СМСку. А звонить и молчать... Вообще не в ее стиле. Поэтому я решил, что у нее что-то стряслось. Мало ли, что может быть. Да что угодно. Поэтому я решил сгонять к ней и проверить. Тем более, живет она рядом.

– Пять минут ехать примерно, да?

– Где-то так. Специально для УСБ могу прокатиться туда-назад с секундомером.

– Ты у меня по камере будешь ходить взад-вперед с секундомером, Филин, – угрожающе буркнул Хрулев. Похоже, резкая смена настроения, чтобы сбить допрашиваемого с толку – любимый прием УСБшника. – Хорош пудрить мне мозги. Все ясно, как день. Ты выпил, как ты сам, кстати, только что сказал. Захотелось поразвлечься. А тут вдруг бывшая звонит. Как удобно, а? Моча бьет тебе в голову. Ты едешь к ней, чтобы получить свою порцию, блин, любви и ласки. Она тебя отшивает. Может быть, орет. А ты под градусом. Ты бьешь ее, а потом топишь в ванной. Да вот незадача – тут же приезжают ППСники и застукивают тебя на месте.

Филин вздохнул, заставляя себе успокоиться.

– Какую еще порцию любви и ласки, майор? Мы только что накрыли кабак, притащили оттуда несколько полуголых шалав. Если бы мне срочно понадобилась баба, я бы остался в отделе.

– Может, не срелось. А полуголые шалавы только воображение подстегнули. Да, Филин? Мы же знаем, как это у мужиков бывает?

– Тебе-то откуда, – не сдержался Филин.

Хрулев налился гневом.

– За базаром своим следи. А хамить мне не советую, запомни. Ты сейчас не в том положении, оперок. Ты мне про этот долбаный звонок уже всю плешь проел. Да ты сам и позвонил с ее номера, чтобы попытаться соскочить! Со мной этот номер не пройдет, уяснил?

– Я сам позвонил с ее номера? – усмехнулся Филин. – Зачем? Проверьте по времени, звонок на мой сотовый был минут на десять раньше приезда ППСников на квартиру. Я мог спокойно свалить. Или, по-вашему, я специально ждал там ментов, чтобы потом всю ночь на тупые вопросы отвечать?

Хрулев на миг растерялся – версия со звонком действительно не срабатывала. В этот момент в разговор, приходя старшему коллеге на помощь, вступил молчавший до этого Копылов.

– Капитан Филин, а почему вы расстались с этой женщиной? С Ермишко?

– По ее инициативе.

– Вас это задело?

– Хотел вены себе вскрыть, но поплакал и отошел, – не удержался Филин. – Слушайте, я взрослый человек. Мы просто спали какое-то время. Встречались раза два в неделю и все. Никто ни по кому не сходил с ума.

– Но вы же согласны, что все это подозрительно выглядит.

Филин был согласен. Но предпочел не отвечать на вопрос.

– Филин, а ты выпиваешь, значит, – снова начал свою волюнку Хрулев. – Забуживаешь или так, по вечерам?

– Спросите в отделе. Ползающим на четвереньках и блюющим по углам меня там никто не видел.

– Работа трудная, многие выпивают, – продолжал Хрулев, не слушая его. – Особенно в Промышленном. Сплошные убийства, бытовухи, мордобои. Алкашня, урки, наркоманы. Чернуха и безнадега. Сложно не слететь с катушек от такого, наверное? Как же без рядки, да, Филин?

Филин не выдержал. Произошло убийство, дело было серьезное, но его нервная система и без ублюдка из УСБ была на пределе.

– У нас в отделе триста человек личного состава. И никто пока не пошел людей крошить направо и налево. А работа трудная, без базара. Бандитов ловить дело вообще непростое. Если бы ты, майор, когда-нибудь попробовал – понял бы.

Хрулев открыл рот, чтобы снова рявкнуть, но Филин опередил его, решительно перехватывая инициативу:

– И не надо мне тут указывать, как к тебе обращаться. Я знаю и свои права, и твои. Хочешь уважительного обращения – начни с себя, майор. А я уже сказал все, что мог. Ответил на все твои вопросы и на все твои провокации. А сейчас я хочу спать. Если тебе есть что предъявлять мне, чтобы закрыть меня в изоляторе – вперед. Хоть на шконке да посплю. Только сначала поясни, на каком основании. А если нет – я пойду спать.

Он встал, вопросительно глядя на Хрулева и Копылова. Хрулев, буравя Филина недобрым взглядом, нехотя махнул головой на дверь.

– Свободен.

Когда Филин шагнул к двери, Хрулев не удержался и добавил:

– Только капитан... Из города не смойся. Иначе разговор будет совсем другим.

Уже светало. Филину дали приехать в УСБ на своей машине, поэтому, сев за руль, Филин наконец-то смог расслабиться. Он закурил. Голова раскальвалась. Докурив, он понял, что сил ехать домой у него нет. Да и зачем – через несколько часов уже надо быть в отделе. Поэтому Филин сразу направился в 3—й ОВД и, поднявшись к себе в кабинет, растянулся на старом продавленном диванчике.

В 8.45 в отделе объявился Басов. И первым делом зашел к Филину, разбудив его. Чтобы начать соображать, Филин вскипятил чайник и сделал себе крепкий кофе.

– Влип ты, Леха, – покачал головой Басов, выслушав его историю от начала до конца.

– Да не влип я никуда. Этот опарыш из УСБ... работа у него такая. Повесить на меня ничего не получится. Звонок ни к месту. Звонок был нужен, чтобы затащить меня в квартиру к Лене. Чтобы я нашел труп. И чтобы меня там застукали наши. Но этот же звонок не клеится, если попытаться пришить мне мокруху.

– Ты вчера много выпил?

– Издеваешься? Две бутылки пива. Ни о чем вообще. Хотел отметить успешную облаву. – Филин выругался. – Отметил, твою мать...

– Возьмешь отгул?

– Нет, спасибо. Дим, какая-то тварь завалила мою бывшую. И самое дикое, что эта тварь попыталась меня в эту фигну втянуть.

– Версии есть?

– Смеешься? Ни одной, – подумав, Филин покосился на Басова. – Дим, можешь кое-что сделать для меня? Достань запись с «02». Тот звонок, когда об убийстве Лены на городской номер сообщили.

Басов нахмурился.

– Филин, не лезь сюда. Мокрухой будут заниматься другие люди. Не исключено, что главк.

– Я уже влез сюда по самые не хочу.

– Вот поэтому осадил коней и сиди ниже воды, тише травы.

– Просто достань мне эту долбанную запись и все. Вдруг я узнаю голос?

Басов колебался.

– Ты уверен, что это не твоя утопленница звонила?

– Сто процентов. Сама она не стала бы, если бы все было в порядке. Да и странное совпадение было бы – она звонит и молчит, а потом к ней вламываются и убивают ее. А если бы ублюдок заставил ее позвонить... были бы какие-то звуки. Шорох, шепот на дальнем плане. Или Лена бы дышала часто и нервно... – Филин покачал головой. – Я слышал дыхание, Дим. Ублюдок молчал, дышал в трубку и слушал. Когда понял, что я занервничал и заглотив крючок – положил трубку. Это подстава. Но чья... без понятия. Я вообще не понимаю, что творится.

– Только не раскисай, что ли.

– Достанешь запись звонка с «02» – не буду раскисать.

– Черт с тобой, – проворчал Басов, вставая. – А что с «Саванной» – то? Нароботали после облавы что-нибудь?

Филин с трудом переключил мысли на вчерашние события. Теперь ему казалось, что прошла неделя, а не считанные часы.

– Кое-что есть. У Штыка были двое гостей-уркаганов. У одного был ствол, а сам он в розыске. За изнасилование. – Басов удивленно присвистнул. – Вот именно, Дим. И он не просто туда выпить зашел. Он там отсиживался. Жил в подвале кабака, ночевал в одной из спален.

– А второй?

– У него был кокаин. Чуть больше грамма. Но это было не для кайфануть, Дим, это был пробник. Штык, походу, планирует взяться за наркоту. Так что «Саванна» это не просто бандитский кабак. Для Штыка это что-то вроде штаба. Наркота, берлога для тех, кто в розыске. Если бы мы вовремя не остановили Штыка, он бы развернулся по полной. И к нему уже было бы не подступиться... А я с самого начала предупреждал.

– Вот никак ты без этого не можешь, да? – проворчал Басов. – А по заяве? Подтверждается что-нибудь?

– Надо работать, Дим. Не все сразу.

– Вот и работай. И кстати... Из больницы звонили в дежурку. Буч оклемался. Так что дуй туда. А про убийство своей бывшей забудь, понял меня?

Увидев неопределенный кивок Филина, Басов вздохнул и вышел.

В больницу к Бучу Филин отправился вместе с Попцовым сразу после утреннего развода. По пути пришлось пересказать в деталях ночную историю с Леной – Попцов был поражен не меньше Филина. И тоже не мог подсказать ни одной адекватной версии, кто бы мог за этим стоять.

Буч выглядел паршиво. Из вены торчала игла, через которую поступал питательный раствор из капельницы. Верхняя часть головы Буча была покрыта толстым слоем бинтов, сквозь которые в нескольких местах проступали пятна крови. По словам врача, Бучу пришлось просверлить пару дырок в черепной коробке, чтобы он не умер от кровоизлияния в мозг. Буч

лежал, больше похожий на овощ, чем на бойкого наркоторговца, слабо моргал и говорил тихо и нечленораздельно.

– Буч, тебя нашли во дворе, напротив твоего подъезда, – говорил Филин. – Соседи сказали, что перед этим ты там с кем-то ругался. Помнишь?

– Нет.

– У тебя амнезия? – хмыкнул Попцов. – Как в мексиканском сериале или что?

– Нет. Но я этого не помню...

– Буч, дело серьезное, ты чуть копыта не отбросил, – давил Филин. – Давай, шевели мозгами. Теми, которые остались. Кто это был?

– Не знаю.

– Черт... Хорошо, зайдем с другой стороны. Это был какой-то здоровяк. Бугай. Высокий и плотный, как я понял. У кого был на тебя зуб?

– Я таких не знаю.

– Вот только не надо, Буч. Все ты знаешь. В твою амнезию я не верю. Скажи, кто это был, и мы отстанем.

– У тебя проблемы, Буч, – поддержал напарника Попцов. – А мы предлагаем тебе помочь. Цени момент.

Буч закрыл глаза. Филин уже начал думать, что он отключился. Но Буч пробормотал – голос был слабым, но в нем явно слышались решительные нотки.

– Со своими проблемами я сам справляюсь.

– Э, крутой чувак, ты даже до туалета сейчас не можешь сам дойти, – поморщился Филин. – Мы тебя что, упрашивать должны? Кто это был?

– Сказал же. Я разберусь сам со своими проблемами... – и, чтобы отвязаться от докучающих оперов, Буч слабо скривился: – Позовите медсестру.

Филин и Попцов отстали от Буча далеко не сразу, но ничего добиться от него так и не получилось. По дороге в отдел Филин ворчал:

– Лежит с дырками в черепе, одной ногой в гробу, а все туда же. «Я сам разберусь»... Лучше бы его прибили на месте.

– Если он фуфлю клиентам впаривает, то долго не протянет, не переживай, – утешил его Попцов. – Лех, а по поводу твоей бывшей. Что, вообще никаких мыслей?

Филин покачал головой.

– Мы с Ленкой не бывали нигде. Общих знакомых вроде бы тоже нет. С соседями она не конфликтовала, я бы знал...

– Ее не обкрадывали, не грабили – ничего?

– Вот именно. Единственный криминал, который у нее был в жизни – это та автоподстава. Помнишь материал? Блоха.

– Блоха? – Попцов нахмурился, вспоминая. – А, ну да. На разбитой «пятерке»... Я, кстати, про этого Блоху на днях что-то слышал.

Филин оцепенел.

– Что слышал? Где?

– От следаков наших. Что-то про суд.

Ничего больше Попцов вспомнить не смог. Поэтому сразу по прибытии в отдел Филин побежал к следователям. Найдя следака, который вел уголовное дело по делу Лены, Филин набросился на него с расспросами.

– Да, Денис Блохин, – кивнул следователь. – На прошлой неделе по этому делу суд был, у нас в Промышленном. Мне из прокуратуры звонили, уточнить что-то по обвинительному надо было.

– Приговор уже был?

– Был. Только хреновый приговор, Филин. Отпустили нашего афериста.

Филин был поражен.

– Как отпустили?

– Нашли какие-то смягчающие обстоятельства, плюс без отягчающих... Условку ему дали. И освободили прямо в зале суда. Сегодня у нас что, четверг? Приговор был в понедельник. Значит, три дня назад он вышел. А тебе зачем?

– Спасибо, – выпалил Филин, выбегая из кабинета.

Филина словно холодным душем окатили. Единственный криминальный факт в биографии Лены, по крайней мере последних лет – столкновение с кидалой Блохой. И вот этого мошенника отпускают, приговорив к условному заключению. А через три дня женщину, по вине которой Блоха угодил в СИЗО на полгода, убивают!

Уточнив через базу данных адрес Блохи, Филин немедленно рванул к нему. На всякий случай машину оставил на углу дома – окна Блохи выходили во двор. Поднявшись к Блохе, позвонил в дверь, предварительно достав пистолет. Но дома никого не было. На всякий случай Филин подергал ручку – закрыто.

Пришлось ждать.

Блоха появился примерно через час. Что-то насвистывая, он шел по лестнице, звеня ключами. В руке была недопитая бутылка пива. Филин приготовился – он стоял площадкой выше, и в щель между решетчатыми перилами ему было видно ноги Блохи. Как только входная дверь открылась, Филин рванул вниз. Блоха, увидев несущегося на него опера, от изумления и страха выронил бутылку – та разлетелась, окатив его брызгами. В следующее мгновение Филин мощным толчком в грудь швырнул Блоху в распахнутую дверь квартиры.

– Пошел, урод!

– Что тебе нужно? Отвали!

Блоха дергался, пытаясь встать, но получил от Филина новый толчок. Скуля, Блоха отполз назад и уперся спиной в стену. Филин, захлопнув дверь, взял Блоху на прицел.

– Дома есть кто?

– Нет, – заскулил Блоха. – Что тебе нужно?

– Только рыпнись, завалю, понял?

Блоха отчаянно закивал. Филин быстро проверил комнаты – никого. Тогда он вернулся к Блохе и, нависнув над ним, упер ствол пистолета ему в горло.

– Зачем ты ее завалил? Ну? Отвечай!

– Кого? – в ужасе скулил Блоха. – Когда? Ты че? Я никого не валил, никого, мужик!

– П... шь! – рявкнул Филин, давя стволом так, что Блоху чуть не вырвало, и он закашлялся. Филин дернул его за волосы. – Женщина, которая кинула на тебя заяву! Тебя отпустили, а через два дня ее убили! Хочешь сказать, это был не ты?

– Нет!

– П... шь! – Филин ударил его стволом по лицу. – Это был ты!

– Нет, не я, не я, нет!

– Ты звонил мне с ее номера! Я все знаю, обсосок! Я тебя прямо здесь завалю, понял меня?!

– Это был не я! – заверещал Блоха. – Отвечаю! Я ничего не делал, мужик! Я ее последний раз на суде видел месяц назад и все, отвечаю! Зачем мне это, мужик, зачем?!

Филин снова наотмашь врезал ему стволом по лицу, дернул за волосы, заглядывая в его круглые от ужаса и паники глаза.

– Сегодня ночью, гнида! Ты завалил ее, а потом позвонил мне! Подгадить мне решил, сука? Говори! Это был ты, я знаю! Больше некому, слышишь меня? Говори, или мозги вышибу!

Для устрашения Филин взвел курок, туча пистолет ему в лицо. Блоха, которого кололо от первобытного ужаса, зажмурился и съежился, но вдруг изменился в лице. И вскинул на Филина полный надежды взгляд – это была его спасательная соломинка.

– Сегодня ночью? Ее убили сегодня ночью?

– Не ломайся, – процедил Филин, снова врезав ему стволом – теперь по ключице. Заскулив и вжавшись в стену, Блоха отчаянно заголосил:

– Погоди-погоди! Я два дня в трезвяке был! Слышишь? Я только оттуда! У меня справка даже есть, можешь проверить! В кармане! Я всю ночь был там, и вчера тоже!

Филин пораженно смотрел на него, вдруг четко и ясно поняв – это правда. Поняв по лицу Блохи, по его полному ужаса голосу. По бутылке пива, которую он пил по пути домой – первое пиво после двух суток – незабываемая традиция гопников и мелкой шушеры вроде Блохи. По искренней надежде, которую сложно сыграть, если за тобой есть грешок. Филин невольно опустил пистолет. Блоха тут же дернул руку к карману, и Филин резко пригвоздил его к стене стволом. Блоха завыл:

– Я справку хотел достать! Задний карман! Слева! Не-не-не, справа, справа!

Филин швырнул Блоху на пол, достал – почти вырвал – справку из кармана. Блоха снова отполз к стене, с ужасом и одновременно надеждой взирая на опера.

Филин прочел все. Но сдаваться не собирался.

– Значит, ты кому-то ее заказал. Кому-то из своих корешей.

– Да че я, совсем шняга тупая?! – возопил Блоха. – Зачем, для чего, нафига мне это?! Я после суда с двумя корешами нажрался в баре, мы там цапанулись и нас в трезвяк приняли! Я и не видел никого! И зачем, сами подумайте?! Меня по трем эпизодам судили, че мне, всех мочить?! Для чего? Меня ж отпустили, нах... мне мокрому на себя вешать, начальник?!

Логика была убийственная. Филин, мысленно матерясь, на чем свет стоит, мрачно убрал пистолет в кобуру.

– Если ты врешь, я тебя на куски порежу, понял меня?

Блоха не врал. Он был чист.

2

«Полиция, оперативный дежурный капитан Федосеев, говорите»

«Алло. Улица Химическая, дом 30, квартира 12. Приезжайте быстрее»

«Секунду, что случилось?»

«Из квартиры 12 крики. Я слышал, что кричат „Убивают, помогите!“. Крики и грохот, там какая-то драка. Кричит женщина, она визжит и просит ее не убивать. Приезжайте быстрее, пришлите кого-нибудь. Я боюсь что там убьют кого-нибудь»

«Представьте, пожалуйста»

«Вы не понимаете? Там человека убивают! Химическая, дом 30, квартира 12, приезжайте быстрее!»

Короткие гудки.

Филин движением мышки передвинул ползунок проигрывателя на мониторе назад.

«Алло! Улица Химическая, дом 30, квартира 12. Приезжайте быстрее!»

«Секунду, что случилось?»

«Из квартиры 12 крики...»

Голос мужской. Не подросток, но и не старик, среднего возраста. Вслушиваясь, Филин пытался вспомнить, слышал ли он этот голос когда-нибудь раньше. Кажется, нет. Филин прокручивал запись снова и снова. Голос был незнаком. Но все голоса, которые ты слышал, запомнить невозможно. По работе Филин сталкивался с сотнями людей каждую неделю.

...«Вы не понимаете? Там человека убивают! Химическая, дом 30, квартира 12, приезжайте быстрее!»

Филин промотал запись назад. Попцов, что-то печатая на своем компьютере, косился на напарника.

– Узнаешь голос?

Филин покачал головой.

– Вроде нет. В памяти ничего такого не всплывает. А голос, кажется, настоящий. В смысле, не изменен, – вздохнув, он дослушал запись до конца и включил ее по новой.

«Полиция, оперативный дежурный капитан Федосеев, говорите»...

Весь четверг Филин работал по Блохе, пытаясь найти хоть какую-то зацепку. Допросил приятелей Блохи, с которыми его, пьяного, забрали с улицы и после разбирательства отправили в вытрезвитель. А в пятницу с утра Басов, выполняя обещание, занес Филину запись. И вот уже битый час опер прослушивал ее, снова и снова, стараясь уловить хоть какую-то зацепку, стараясь заставить себя вспомнить хоть что-то, стараясь запомнить голос убийцы. А Филин был уверен, что в УВД города на «02» звонил именно убийца Лены.

...«Приезжайте быстрее, пришлите кого-нибудь. Я боюсь что там убьют кого-нибудь»

– Ублюдок не сказал, где он находится, – отметил Филин. – В подьезде, в одной из квартир, или вообще на улице... Ничего. И интонации. Обратил внимание?

– На что?

– Когда люди звонят в таких случаях в ментуру, они на нервах. Или раздражены, потому что их соседи разбудили. Или на нервах, волнуются, например, или боятся. А этот говорит спокойно. Он не особо даже и пытался как-то играть.

...«Вы не понимаете? Там человека убивают! Химическая, дом 30, квартира 12, приезжайте быстрее!»

– Только вот здесь, в конце, когда дежурный начал его спрашивать о нем самом – повысил голос, – согласился Попцов. – Откуда звонили, есть данные?

– Номер не определен. Это не домашний точно. Может, сотовый с какой-то хитрой защитой... Но скорее всего, звонили через интернет. Это тебе не кажется странным?

– Лех, такое бывает иногда, – пожал плечами Попцов. – Не многие хотят, чтобы их потом менты дергали. Голос точно не узнаешь? Это не Штык?

– Штык был в обезьяннике в это время, – хмуро напомнил Филин. – Мне повезло очень, что мы Штыка приняли как раз за пару часов до этого. Потому что первым делом я подумал бы на него. У него есть резон подставить меня как-то. Я его уже год достаю. Но у Штыка алиби – лучше не придумашь. Сам обеспечил.

Попцов вздохнул.

– А Блоха?

– Порожняк. Это не он. Я все проверил. Даже его телефон. Отследил все что он делал после того, как его отпустили. Чуть ли не по минутам. Это не он...

– Тогда кто, Лех? Тебя послушать, у твоей бывшей в жизни все было спокойно...

– У нее была самая спокойная и тихая жизнь на свете, – нервно буркнул Филин. – Она работала продавщицей в продуктовом магазине, днем продавала хлеб и курицу, а вечером ехала домой, закрывалась там и смотрела телевизор. Вот и вся ее жизнь, Ромыч. Это п... ц какая спокойная жизнь.

– Как в гробу, – согласился Попцов. Встретив хмурый взгляд Филина, он отвернулся к компьютеру и продолжил печатать. А Филин прокрутил запись назад и снова включил воспроизведение – хотя уже знал наизусть каждое слово.

«Из квартиры 12 крики. Я слышал, что кричат «Убивают, помогите!»...

А потом был новый удар. Когда ближе к обеду Филин спустился в дежурку, он увидел Штыка в сопровождении Локтя и Гепы – их отпускали. Все трое получали у дежурного свои вещи.

– Какого черта? – опешил Филин. – Федосеев, что за дела? Это мои задержанные.

– Ко мне какие вопросы, – проворчал дежурный, протягивая Локтю бумажку и ручку. – Локтев, распишитесь.

Рассовывая по карманам бумажник, ключи и телефон, Штык злобно ухмыльнулся Филину.

– Как ты это сделал, урод? – накинулся на него Филин, готовый дать ему в зубы. Штык отдернул от себя руку опера:

– Полегче! Тут камеры и свидетели. Хочешь мне врезать? Вперед. Но я тогда такую телегу на тебя накаताю – попрут из ментуры мигом. Ты этого хочешь?

Затем все трое удалились. Филин видел в окно, как они усаживаются в вызванное такси. В это время он звонил Кате.

– Алло, здравствуйте, – узнала его девушка. – Ну как, есть новости?

– Есть, и фиговые, – буркнул Филин, провожая взглядом уезжающее такси. – Катя, номер поменяй, и побыстрее. Ни с кем из девчонок, с которыми общалась в баре, не контактируй. Поняла? И в районе «Саванны» даже за километр не появляйся.

– Почему? – ее голос задрожал. – Что случилось?

– Я потом все объясню. Подумаем, что делать... А пока сделай, как я сказал. Поменяешь номер, пришли мне его СМСкой. И не высывайся пока из дома.

Отключившись, Филин рванул к следователю, которому поручили дело Кати Томиной. Следак лишь развел руками:

– Филин, а я что могу сделать? У меня материала никакого нет, дело разваливается, перспектива вообще нулевая!

– Перспектива нулевая? – вскипел Филин. – У тебя эти трое в изоляторе и куча народу, который может подтвердить слова терпилы!

– Может, и могут подтвердить, но не делают этого. Эти три шалавы, танцовщицы, молчат. Я не знаю, их запугали или нет, но они от всего отрещиваются. Не было, не видели, не знаем. Доказухи у меня нет! Наркоту взял на себя тот хмырь, чьи пальцы были на колбе. Ствол взял на себя второй, который за износ в розыске, но там материал в Южный уплыл. А на Артюкова ничего.

– Справка о побоях – это ничего?

– Филин, ну ты же знаешь, как это работает, – поморщился следователь. – Ее слово против их трех.

– Твою мать... Они приезжали к Томиной домой, избивали ее, угрожали ножом, – не отставал Филин. – Соседи наверняка видели. Ты почему мне не поручил соседей опросить? Или участковому?

– Филин...

– Одна из танцовщиц наркоманка, на игле сидит. Ее подержать немного в обезьяннике, и она сама все выложит, только записывать успевай. Почему ты мне ничего о твоих перспективах не сказал?

Следователь оскорбился.

– Б..., Филин, угомонись или вали отсюда. Я процессуально независимое лицо, и это мое дело. Я тебе указываю, как ты должен свою работу делать? Нет. Вот и ты давай закрой варежку, а? Чем в мои дела нос совать, лучше бы со своими разобрался. У тебя, говорят, проблем и так выше крыши.

Крыть было нечем. Сжав зубы, Филин вышел. Вернувшись в кабинет, он плюхнулся за стол и принялся лихорадочно думать, что делать. Если дело развалилось, про заявление Кати можно забыть. И на Штыка снова ничего нет. Но сам Штык про Катю не забудет... Как быть? Первая версия возникла сразу. Нужно колоть типа с кокаином! Если оформить его правильно, например, по линии агентуры – типа можно будет отпустить. А за это он сдаст Штыка. Если у Филина будет наводка – тогда он еще повоюет.

Филин невольно вздрогнул, когда у него зазвонил сотовый в кармане. Достав телефон, он увидел на дисплее имя абонента. «МАША», – сообщала надпись.

В предчувствии чего-то ужасного у Филина замерло сердце. Он смотрел на дисплей, не решаясь ответить. Филин боялся услышать тишину и тихое дыхание ублюдка, который издевался над ним в прошлую ночь. Попцов удивленно обернулся.

– Лех, если нажать на кнопочку, эта штука перестанет звонить, ты в курсе?

Попытавшись взять себя в руки и одновременно приготовиться к самому ужасному, Филин ответил на звонок.

– Слушаю.

– Леш, привет...

У Филина как камень с души свалился, и он облегченно выдохнул. А Маша продолжала:

– Можно с тобой встретиться? Это важно.

– Конечно, Маш. Где и когда?

Мария до сих пор носила фамилию Филина. И не потому, что питала к бывшему мужу какие-то чувства – скорее, наоборот. Просто ее девичья фамилия была гораздо менее благозвучная. Иногда Филин думал, что Маша вышла за него только из-за фамилии. Потому что сам их брак, короткий и сложный, оказался сплошным недоразумением. Они промучались почти два года, после чего Маша просто съехала в свою старую квартиру, доставшуюся ей от бабушки.

Они встретились в небольшом уличном кафе на Новой. Едва завидев подходящего к столику Филина, Маша сразу с вызовом бросила:

– Леш, и как это все понимать?

– Что? Ты о чем?

– А ты не знаешь?

– О чем, блин?

– Чтобы ты никогда, слышишь – никогда – не втягивал меня в свои проблемы! – заявила Маша, вскинув палец для значимости. – Мы не женаты, я тебе никто!

– Притормози, а? – Филину пришлось повысить голос. – Если ты хочешь орать, наори на официанта, хорошо? Маша, я вообще не врубаюсь, о чем ты мне говоришь. Я тебя никуда не втягиваю и не собираюсь втягивать!

Тирада на Машу подействовала. Она нахмурилась.

– Хочешь сказать, ты не знал?

– Твою мать, а! Маш, ты можешь вообще объяснить, о чем речь? Я как со стеной разговариваю! Не знал – о чем?

Маша вздохнула.

– Ко мне из твоей драгоценной полиции приезжали. На работу. Девчонки, с которыми я работаю, теперь месяц, наверное, сплетничать будут...

– Кто приезжал? – напрягся Филин.

– Не знаю, я фамилию не запомнила. Вроде майор какой-то. Невысокий такой, худой...

Филин мрачно вздохнул.

– Черт... Хрулев.

– Кто? Ты его знаешь?

– Что ему надо было вообще?

– Да не знаю. Фигню какую-то спрашивал. То есть реально фигню. Мол, вы бывшая жена капитана Филина? Как он себя вел с вами? Он пил? Были скандалы? Угрожал ли он вам? Способен ли он на рукоприкладство в приступе гнева? И все такое.

Филин закурил. Хрулев сдаваться не собирался. Если он уже опрашивает бывшую жену, наверняка с соседями уже поговорил. Настойчивый, гаденыш.

– Леш, кто он такой вообще? Что происходит?

– А ты что ему сказала?

– Правду, конечно, – удивилась Маша. – Я не стала говорить, что ты долбаный кобель, который через пару дней после развода уже успел захомутать себе эту бухгалтершу Камиллу... Зовут, как проститутку...

– Карина, – буркнул Филин. – Да ты, вообще-то, тоже в трауре не ходила. Или ты за своими вещами не в обнимку с тем жлобом приехала?

– Это был друг, – возмутилась Маша. Филин примиряюще вскинул руки:

– Маш, давай мы не будем ссориться, а? Извини, что они выдернули тебя, но это не повод на меня орать! – вздохнув, Филин уже спокойнее повторил: – Извини. Я не думал, что они пойдут на это. Значит, плохи мои дела.

Маша тревожно нахмурилась.

– У тебя что, неприятности?

– Не знаю пока. Могут быть.

– Большие? Леш, ты что-то сделал?

– Нет, конечно, Маш, я тебя умоляю! Ты ведь меня знаешь. Но тот майор так не считает.

– Я ему сказала, что ты не пил никогда, если бутылку пива за пьянку не считать, – словно утешая, сообщила Маша. – Что меня пальцем никогда не трогал. Я ничего плохого про тебя не сказала, клянусь.

Покосившись на нее, Филин увидел в ее глазах искреннюю тревогу за бывшего мужа. Улыбнувшись ей, Филин взял ее за ладонь. Все-таки, Маша когда-то вышла за него не только из-за фамилии.

– Спасибо. Что еще он спрашивал?

– Изменял ты мне или нет. Я сказала, что нет, хотя...

Идиллия закончилась быстро. Выпустив ее руку, Филин вздохнул:

– Маш, я никогда тебе не изменял. Ты красивая женщина, и ты была моей женой. Если мне звонили женские голоса по ночам, это не значит, что с ними со всеми спал. Это работа.

– Ну... если это действительно так, я рада, – помедлив, кивнула Маша. – В общем, я ничего ему не сказала. Когда он уходил, было видно, что он разочарован.

Но сейчас Хрулев уже не был разочарован. Майор УСБ сидел в машине через дорогу от уличного кафе, где общались Филин со своей экс-женой, и держал в руках фотоаппарат с мощным объективом. На камеру ему удалось заснять несколько очень удачных кадров. Например, где Маша возмущенно тычет пальцем в Филина. Или где Маша возмущенно что-то говорит. Или вот этот – Филин эмоционально вскидывает руки. Просмотрев кадры на дисплее фотокамеры, Хрулев хмыкнул. Судя по кадрам – типичная ссора. А если человек способен устроить ссору в кафе с бывшей женой – после алкоголя ему ничего не стоит закатить скандал бывшей любовнице.

А потом в приступе ярости утопить ее в собственной ванне.

В отдел Филин вернулся с самыми безрадостными мыслями в голове. Хрулев решил копать под него по полной. А это значит, надо быть вдвойне осторожным. Мысленно Филин выругал себя за то наезд на Блоху. Надо было аккуратнее. Еще чего не хватало, Хрулев навещает к нему – а тот с удовольствием расскажет о бешеном опере, который угрожал ему убийством.

Сотовый в кармане Филина завибрировал. Достав трубку, Филин увидел на дисплее СМС с неизвестного номера. «Это мой новый телефон. Катя». Катя, еще более мрачно подумал Филин, сохраняя номер в памяти. Что с ней делать теперь, непонятно. Придется ей уезжать из города. Ситуация выглядела паршиво. Филин пообещал девчонке, что поможет – и в итоге подставил.

Навстречу Филину по коридору шел хмурый Басов.

- Ты где шарахался?
- Отъезжал по делам.
- По каким?

У Басова был недовольный и требовательный тон. Филин раздраженно парировал:

– По каким надо. Ты на меня наехать собрался или что? Могу объяснительную написать. Или сразу рапорт об увольнении?

- Не кипятись, я тебя умоляю, Филин, – поморщился Басов. – Пошли покурим.

В курилке на лестнице общались двое дознавателей. Басов принялся красноречиво коситься на них. Дознаватели были не дураки, быстро докурили и ретировались. Тогда Басов хмуро поведал Филину:

- Мне из города звонили. Начальство. Вздрычили по полной программе за Штыка.

– Да уж, – вздохнул Филин. – Следак поторопился. Хотя, может, ему Штык приплатил как-то. Не знаю. Или просто возиться не захотел...

- Не просто.

- Что?

- Его попросили завернуть материал, – тихо сообщил Басов.

Это меняло многое. Штык за год владения «Саванной» успел окрепнуть и завести связи, причем довольно серьезные.

- Откуда ты знаешь?

– Откуда надо, – передразнил Филин Басов. Но все же добавил: – УСБ. Просьба исходила от них.

- Удар ниже пояса. Филин чуть сигарету из рук не выронил.

- Твою мать...

– Понимаешь, что это значит? Тобой заинтересовались по полной программе. А благодаря разваленному делу у них на руках еще один плюсик. Это можно будет повернуть как угодно. Начиная от несоответствия занимаемой должности и заканчивая преследованием с целью выставить крышу. А Штык поведется и подтвердит, что ты намекал ему на деньги, если Хрулев из УСБ намекнет, что это поможет тебя убрать.

Филин помолчал, думая, что делать теперь. И не только об этом.

– А может быть, Диман, все гораздо проще, – сказал он после паузы. – Ты говорил, у «Саванны» уже есть какие-то подвязки в ментуре. А какая крыша – мечта любого бандюгана?

- Какая?

- УСБ. Хрулев имеет долю с «Саванны».

– Да ну, брось, – отмахнулся Басов. Но Филин, чем больше думал об этом – тем больше убеждался в своей правоте.

– Дим, это так. С убийством Лены много подозрительного, но я чист, пришить мне нечего. Но Хрулев не отстает. Он не только развалил дело на Штыка, он начал копать под меня. Сегодня допрашивал Машку, мою жену бывшую. – Филин покачал головой. – Теперь ясно, почему он так резво на меня наел. Бабки надо отрабатывать...

После разговора с Басовым Филин, для приличия поковырявшись в кабинете и изобразив подобие работы, поехал к Кате. Подъезжая, позвонил ей на новый номер и сообщил, что сейчас будет у нее – чтобы не испугалась звонка в дверь. Катя была в спортивном костюме, без косметики. Хрупкая и симпатичная. Даже какая-то чистая и невинная. Филин не ожидал увидеть ее такой. Но опер приехал к девушке не для того, чтобы любоваться.

Когда он выложил Кате все, что происходит, она покачала головой:

– Я никуда не уеду. Устроюсь где-нибудь, продавцом, может... Где-нибудь поблизости. Хотя квартиру, конечно, придется освободить. Денег не хватит. Жалко.

- Извини, – сказал Филин. – Паршиво вышло.

- Вы ни в чем не виноваты. Наверное...

– Как же, – хмуро буркнул Филин. – Обещал тебе помочь и втянул в историю. Теперь тебе конец, если Штык тебя найдет. Он отмороженный говнюк, подставы не простит.

– Если бы не вы, я все равно сбежала бы и сейчас пряталась, – возразила Катя. – Выбора не было. Разве что становиться проституткой и рабыней этого урод. Но для меня это не вариант. Вы не виноваты.

Филин невесело улыбнулся. Хотел как-то приободрить ее этим, но вышло неважно.

– Давай на ты. Меня Алексей зовут.

– Я знаю, – с улыбкой согласилась девушка. – На визитке написано. Договорились.

– Кать, ты из Елецка? У тебя там есть родственники?

– Конечно. Родители, брат...

– Даже брат? Это хорошо. В баре знали твой адрес в Елецке?

– Я паспортные данные давала, когда устраивалась. Условия такие.

– Черт, – в сердцах буркнул Филин. Но, подумав, продолжил: – Все равно. Тебе лучше уехать в Елецк к родне.

– Здесь меня никто не найдет. В баре я показываться не буду. Так что не переживайте. Елецк... слишком тоскливое место. Я не для того оттуда уехала, чтобы возвращаться.

– Как знаешь. Но если что, сразу звони мне. Поняла? Звони в любое время. Шорох за дверью, или твои знакомые во дворе отираются... В окно, кстати, посматривай иногда. Я живу на Кольцовой, это недалеко. В случае беды буду здесь мигом.

Катя кивнула. По ее лицу было видно – девчонке страшно.

Домой Филин добрался поздним вечером. Настроение было паршивое. В холодильнике осталось пиво, нетронутое им в последний раз. Ночь, когда убили Лену. Открыв бутылку и сев у окна на кухне, Филин закурил. Что происходит? – это единственная мысль, которая терзала его.

При чуть других обстоятельствах Филин готов был бы поклясться, что это дело рук Штыка. Но здесь была одна загвоздка – одна, зато серьезная. Филин перешел черту, отделяющую опера, который доставал Штыка по мелочи опера, от опера, который преследовал Штыка, в ту самую ночь, когда он лично засадил Штыка в обезьянник Промышленного ОВД. А через несколько часов – убили Лену. Будь Штык гением, он бы и то навряд ли смог провернуть настолько молниеносно эту операцию – даже, если бы находился на свободе. А Штык сидел в клетке. Один – Филин проследил лично, чтобы никого из бара не подсадили в одну камеру со Штыком – и без связи с внешним миром. Заранее же спланировать такое у Штыка не было никакого резона. Филин навещался в «Саванну» по 3–4 раза в неделю весь последний год – с момента открытия бара. И вечер, когда Филин встретил там Катю, мало чем отличался от предыдущих.

Значит, это не вариант.

Вариант с Блохой тоже отпал полностью. Да и Блоха слишком мелкий и паскудный сукин сын, чтобы за несколько месяцев в СИЗО мстить оперу угрозыска. Такие, как Блоха, ментов боятся, как огня.

А других вариантов у Филина не было. Совсем.

У окна Филин просидел до поздней ночи, распивая пиво и хмуро глядя в окно на темное мрачное небо. Завтра суббота. Но наслаждаться выходным не получится. Надо что-то предпринимать. Из ситуации надо выбирать.

Как – Филин не знал. Не имел ни малейшего понятия. Это его убивало.

И вдруг вспыхнул экран сотового телефона, лежащего в метре от Филина, озарив погруженную во тьму комнату. Одновременно он завибрировал, секундой позже позвонил.

Первой мыслью было: «Катя!». Филин схватил телефон. На дисплее 11— значный номер. Не Катя. Номер показался Филину смутно знакомым. Особенно последние цифры: «56—70». Хмурясь, он ответил на звонок.

– Слушаю.

Ответом стала тишина. Собеседник молчал. До Филина доносился лишь еле слышное – благодаря полной тишине в квартире Филин смог это расслышать – сопение. Человек молчал, дыша в трубку, и слушал.

Это ОН. Филин оцепенел. Он не мог поверить, что все это повторяется. Словно кошмарное дежа-вю – паршивый сон, от которого ты никак не можешь избавиться, проснувшись.

– Кто это?

Тишина. Голос Филина был хриплым от волнения. А сам он лихорадочно вспоминал, чей это номер. «56—70». Знакомые цифры, знакомые... Но чьи? 56—70. И вдруг Филин побледнел, едва не выронив телефон. Он вспомнил. 5, 6, 7— и 0 на конце. Сотовый телефон Карины.

Убийца звонил с сотового телефона его бывшей любовницы.

– Где ты? Ты у нее? Что ты с ней сделал?

Тишина в ответ. Нервы Филина были на пределе. Он себя чувствовал участником дьявольского спектакля. Марионеткой. Настоящее безумие.

– Кто ты, сука? Зачем ты это делаешь? Я тебя знаю? Зачем?!

В ответ тишина. Филин вскочил, кипя от ярости.

– Только попробуй сделать с ней что-нибудь! Тварь, я найду тебя, слышишь? Найду и выпущу тебе кишки!

Звонивший отключился. Филин, тяжело дыша, посмотрел на дисплей. Это был не сон. Вот он номер Карины, вот время звонка. «0:18». Восемнадцать секунд молчания на том конце трубки.

Что делать?! Филин почувствовал, как его охватывает паника. Срываться и лететь к Карине? А если... труп? Уже через полчаса он будет сидеть в обезьяннике УСБ. А если она еще жива? А если...?!

Филин бросился звонить. От волнения пальцы плохо слушались, хотя телефон дежурки он знал наизусть.

– Полиция, оперативный дежурный капитан Кулагин... – начал недовольный голос в трубке. Филин перебил его:

– Привет, это Филин из угрозыска. Дело срочное. Ты меня слышишь? Улица Котова. Записывай! Улица Котова. Дом 45. Квартира... – Филин схватился за лоб, пытаясь вспомнить квартиру. – Черт... Квартира 31, точно! Котова, 45, квартира 31! Записал? Вышли туда наряд.

– Зачем? Что там?

– Пожалуйста, Кулагин. Я не знаю, что там, но пожалуйста, как можно быстрее. Очень срочно, дело жизни и смерти, отвечаю. Если что, с меня пузырь, понял? Надо проверить. Пожалуйста, мужик!

Слова и особенно тон Филина произвели впечатление на дежурного, хотя он все равно ничего не понимал.

– Ладно, вышлю. Что им сказать?

– Вышли сейчас же, мужик, прямо сейчас, не мешкая! Пусть летят так быстро, как смогут! Там может быть криминал, может быть даже мокруха. Я не знаю, что там, но дело серьезное. Это ОЧЕНЬ важно.

– Понял, Филин, понял.

– Позвони мне сразу, хорошо? Позвони, Кулагин!

Филин отключился. Он вытер лоб ладонью – ладонь была влажной. Только сейчас он понял, что его прошиб холодный пот. Дикая шквальная эмоция, от почти священного ужаса до ярости, клокотал в нем. Филин был в панике и протрации.

Но сидеть на месте он не мог.

Филин бросился одеваться. Натянул джинсы, куртку. Выругавшись, сорвал куртку и нацепил на плечи кобуру.

Телефон не звонил.

Бросился к полке и стал рассовывать по карманам ключи, кошелек, удостоверение – все, что носил с собой. Руки предательски дрожали. Филин много лет проработал опером. Он повидал много чего паршивого – среднему обывателю давно бы голову сорвало. Но то, с чем он столкнулся сейчас, было за гранью. Филин оказался не готов.

К такому никто не может быть готов.

Телефон не звонил.

Вспомнив, что он выпил пива и от него наверняка разит, Филин метнулся искать жевательную резинку. Найти ее удалось на тумбочке в прихожей. Бросил пару подушечек в рот.

Телефон не звонил.

Филин был готов. И он принялся ходить взад-вперед по комнатам, постоянно проверяя сотовый. Почему Кулагин не звонит? Неужели забыл? Или нет патрулей? Надо было ехать самому... Звони!

И телефон зазвонил. На дисплее Филин увидел номер дежурки и выпалил в трубку:

– Филин, слушаю! Что там?

– Дело серьезное.

По тону Кулагина Филин все понял. Поздно. Выдохнув, он опустился на стул.

– Она мертва?

– Да. Филин, как ты узнал?

– Твою мать... Как ее убили?

– Я не знаю точно. ППС доложил, что труп и что криминал, больше пока ничего. Я позвонил в комитет и в город... Филин, кто она такая?

– Ее убили только что? Труп свежий?

– Я не знаю, – повторил Кулагин, акцентируя каждое слово, чтобы до опера дошло. – Слушай, я в курсе твоих историй последних... Ты же понимаешь, да? Я должен доложить об этом.

– Понимаю. Конечно...

Отключившись, Филин какое-то время сидел в прострации и смотрел вникуда.

Второе труп. Женщина, с которой он спал. Первая его пассия сразу после развода. Убийца звонит Филину и молчит. Все, как и в первый раз. Полнейшее безумие. Голова Филина разрывалась.

Не выдержав, он с силой врезал основанием кулака по столу. Столешница из ДСП тоскливо захрустела, но выдержала.

Филин сделал несколько глубоких вдохов-выдохов и встал. Обувшись, вышел из квартиры. Спустился в темный двор, подошел к своей машине. Открыл, завел двигатель. В ожидании, когда машина прогреется хотя бы немного – по ночам начинало подмерзать – Филин закурил.

А потом он увидел свет фар. Во двор быстро заехали две машины. Легковая, следом за ней черный фургон. Они ехали быстро.

Филину все стало ясно. Выбросив сигарету, он, мрачный, заглушил двигатель, включил сигнализацию и бросил карман в ключи. После чего повернулся к гостям.

Из фургона выпрыгнули несколько бойцов спецназа. Из легковушки почти выбежал взъерошенный Хрулев.

– Филин, вот так встреча! Куда-то собрался или наоборот?

– Делай, что хотел, – глухо произнес Филин.

Хрулев кивнул спецназовцам. Бойцы подошли к оперу, развернули его лицом к машине. Пинками по лодыжкам заставили расставить ноги. Профессионально и быстро обыскали. После чего, заломив руки, надели на запястья Филина браслеты наручников.

Часть 3

1

Филина оформили, как настоящего задержанного – с изъятием не только личных вещей, но и шнурков. Некоторых в дежурной смене главка Филин знал, они его тоже. Мужикам, Филин это заметил сразу, было неловко – но работа есть работа.

Времени прийти в себя Филину не дали – сразу отвели в допросную, где его встретили Хрулев и Копылов.

– Объясни мне, Филин, зачем? – брызгал слюной Хрулев. – Что эти бабы тебе сделали? Или ты на самом деле псих конченный?

– Проведи экспертизу.

– Надо будет, проведем! Ты утопил обеих... За что? За то, что обе спали с тобой? Что – они когда-то не убложили тебя, как надо? Может, ты извращения какие-нибудь им предлагал, потому тебя и бросили? Может, тебя на групповушку тянет, или со зверушками что-нибудь, а?

Филин пропустил реплику мимо ушей.

– Это уже не смешно. Второй труп! Второй, Филин! Даже почерк не удосужился поменять, убить ее как-нибудь по-другому – нет, ты и эту утопил! Филин, ты в историю решил войти? Маньяк в погонах?

– Проверьте мой телефон. Мне звонили. С номера Карины. Все, как и в первый раз. Я сразу же набрал дежурку и попросил выслать наряд. Я был дома.

– Ну конечно, – хмыкнул Хрулев. – Дома он был... Филин, я не понимаю только одну вещь. Зачем все эти звонки? В первый раз ты подставился сам, тебя застучали на месте преступления. Во второй раз действовал уже умнее, через дежурного. Но все равно, я не могу понять – зачем? Или у тебя тактика такая, играть с правосудием? Типа русской рулетки, да? Захотел по лезвию походить? Решил, что сможешь переиграть всех, потому что нормальный человек не будет мочить баб и тут же подставляться, как это сделал ты? Типа: «Меня подставили, это заговор, потому что никто не будет таким дураком, чтобы светиться на каждой мокрухе»?

– Никто не будет таким дураком, – хмуро согласился Филин. – Даже ты.

Хрулев не выдержал и врезал Филину. Удар пришелся в нижнюю челюсть слева. Голова Филина дернулась, и он почувствовал, как кожа и ткани на месте удара разбухают, наливаясь жаром.

– Ты или очень умный, Филин, или полный долб... б, – резюмировал Хрулев.

В разговор вступил Копылов.

– Капитан, как долго вы встречались с убитой Школиной?

– Месяца три-четыре, – отозвался Филин, исподлобья недобро косясь на Хрулева.

– Как познакомились?

– По работе.

– Как именно?

– В ее подъезде была квартирная кража. Дом на моей земле. Я опрашивал жильцов.

– Теперь это так называется, – хмыкнул Хрулев. – И много баб ты «опрашивал»? Сколько ты еще трупов нам собрался подогнать, если тебя не закроют? Пять, шесть, семь...? Ты их всех топить в ванной будешь?

– Я никого не убивал, – процедил Филин. – Неужели не понятно, твою мать? Какая-то гнида убила Лену, позвонила мне с ее сотового, заставила приехать к ней. И позвонила на «02». У вас есть его голос, это уже доказуха! Ты же не хочешь сказать, что это мой голос?

– Голос не твой, – согласился Хрулев. – К этому мы еще вернемся. Земля у тебя не такая большая. Наверняка ты попросил позвонить в ментуру кого-нибудь из прикормленных наркоманов. Не волнуйся, мы его найдем.

Филин нахмурился. «Мы его найдем». Это значит, что УСБ перевернут вверх дном все его контакты. Личные, рабочие, проверят все дела и оперучет – все. Дело плохо.

– Как давно вы перестали общаться с этой женщиной, со Школиной? – вернулся к вопросам Копылов.

– Полгода назад примерно. Может, чуть больше.

– По какой причине?

Филин помедлил, прежде чем ответить. Но сразу сообразил – правду они узнают очень быстро.

– Она стала встречаться с кем-то еще.

– Как всегда, – с презрением процедил Хрулев. – Не везет тебе с бабами, а? Все тебя бросают. Как тут не слететь с катушек. Решил им отомстить?

– Сам в это веришь, майор?

– А почему, кстати? – словно не замечая его слов, продолжал Хрулев. – Что это все бабы тебя бросают? Храпишь во сне, не моешься, или что? А может, у тебя хозяйство не рабочее? На полшестого? Не стоит?

– А ты ноги раздвинь, проверим, – буркнул Филин.

Копылов невольно усмехнулся. Покраснев от ярости, Хрулев снова врезал Филину. Челюсть предательски заныло, во рту Филин ощутил вкус крови. Исподлобья глядя на Хрулева, опер процедил:

– Ты мне ответишь, майор. За оба раза.

– У параша тебе отвечать будут, чмо!

Допрос продолжался несколько часов. Хрулев всяческими способами – переходя на разговор по душам, затем снова срываясь на истерику – пытался расколоть Филина. Когда Филин говорил правду, его никто не слушал.

Уже под утро Филина отвели в пустую камеру ИВС. В четырехместной сырой камерке было занято только одно место – какой-то здоровяк посапывал на нижней справка шконке. Услышав скрип двери, он зашевелился, обернулся на Филина, изучая его маленькими бычьими глазками – «определяя», как выражается уголовная братия. В процессе «определения» здоровяк, вероятно, решил, что перед ним «фраер».

– Эй, ты, бабосы есть?

Филина, несмотря на усталость, переполняла ярость. Даже не покосившись на здоровяка, он уселся на шконку напротив и прислонился к спине. Вся нижняя челюсть, которой пришлось выдержать с десятков ударов Хрулева, предательски ныла.

Здоровяк уселся.

– Чушок, я с тобой. Бабосы есть?

Видя, что реагировать Филин не собирается, здоровяк рассвирепел. Степенно поднявшись, подошел к нему и замахнулся рукой, чтобы влить унижительный подзатыльник.

Перехватив его руку, Филин ребром ладони врезал ему по горлу. Глаза здоровяка вылезли на лоб. Схватившись за кадык, он осел на свою шконку, хрипя и глотая воздух.

– Еще раз хлебало откроешь, завалю, – процедил Филин и отвернулся.

В крохотном зарешеченном окне под потолком был виден кусок неба. По предрассветным сумеркам Филин догадался, что начинается новый день.

Такой паршивой субботы в его жизни еще не было.

Ближе к полудню в камеру заглянул пузатый сержант.

– Филин, подъем.

Сержант отвел Филина в допросную. Но вместо УСБшников в комнате опер обнаружил Басова. Тот курил и хмуро смотрел на Филина.

Когда они остались вдвоем, Басов кивнул на распухшую челюсть подчиненного:

– Что с рожей?

– Догадайся. Общался с УСБшниками.

Басов мрачно покачал головой. Протянул Филину пачку сигарет и зажигалку. Филин закурил.

– Я только узнал, – словно извиняясь, буркнул Басов. – Как раз с сыном на дачу ехать собрался, когда мне из дежурки позвонили и про тебя сказали... Я, само собой, сразу сюда. Лех, как я могу тебе помочь?

– Кроме как вытащить меня отсюда? Никак.

– Ты же знаешь, я не могу...

– Знаю, – согласился Филин. – Дим, позвони Попцову.

– Зачем?

– УСБшники будут требовать все мои дела. В том числе книгу оперучета и досье на личную агентуру. Хрулев думает, у меня есть сообщник среди шушеры с района.

– Ну и что? Он ведь ничего не найдет.

– Дело не в этом, Дима. Штык хочет стать крутым авторитетом, аппетиты у него большие. Мы в этом уже убедились. А Хрулев у Штыка на зарплате, скорее всего. Если он достанет список моей агентуры... Все эти имена уже через пять минут узнает Штык. А трупов с меня хватит. Пусть Попцов залезет в наш сейф и заберет дела на мою агентуру. Их надо спрятать где-нибудь, в надежном месте. На время.

Басов мрачно вздохнул.

– Хорошо. Не волнуйся, все сделаем.

– Спасибо, – потушив сигарету, Филин закурил новую. – Черт... Сегодня суббота. Похороны Лены. Я хотел побывать там. Потолкаться в толпе, вдруг увижу кого-нибудь...

Выдержав паузу, Басов сообщил:

– Твое дело передали в комитет. Следак уже был?

– Пока только Хрулев. Зарплату Штыка отрабатывает, сука.

– Значит, скоро поведут на допрос к следаку. Хорошая новость в том, что материал поручили Старостину. Он хоть и въедливый червяк, но следак хороший.

– Будем надеяться.

– Мысли есть? Кто тебя подставляет?

– Ни одной, Дим, – мрачно признался Филин. – В голове шаром покати. Я вообще не могу понять этого. Зачем убивать двух человек – чтобы меня подставить? А не проще меня одного порешить? Зачем такие сложности?

– Может, все-таки Артюков?

– Нет. Во-первых, когда убили Лену, он был в обезьяннике. Лену утопили в ванной через несколько часов после облаву на «Саванну». А для мокрухи нужна была большая подготовительная работа. Самое главное – вообще как-то узнать о ее существовании. А во-вторых... опять-таки. Проще порешить меня. Хотя бы ДТП устроить. Да что угодно. А убивать моих бывших... это вообще какой-то голимый бред, Дим. В этом нет смысла. Просто нет смысла.

– Но смысл должен быть, – хмуро возразил Басов. – Думай, Лех. Кому ты за последние годы мог дорожку перейти настолько, что у человека башку сорвало... Думай.

Филин думал. Ответа не было. Даже самой паршивой версии.

Следователь Старостин из городского отдела Следственного Комитета приехал в ИВС уже во второй половине дня.

– Дела у вас неважные, Алексей Борисыч, – поведал Старостин, качая головой и проматривая материалы.

– Мне уже говорили.

– В вашу пользу говорит пока только одно.

– Это что?

– Биллинг. Мы пробили ваш сотовый. Во время звонка с телефонов как первой жертвы, Ермишко, так и второй жертвы, Карины Школиной, ваш телефон находился в районе вашего дома.

– И что? – с надеждой спросил Филин. – Это же доказывает, что я говорю правду.

– Это доказывает только то, что телефон находился в районе вашего дома, – сухо возразил следователь. – Мы не знаем, кто по нему разговаривал. Кроме одного случая – вашего звонка в дежурную часть. УСБ склоняется к мысли, что у вас есть сообщник.

– УСБ нужно закрыть опера по громкой статье, чтобы выслужиться и получить звездочку на погоны, – буркнул Филин.

– Может быть, и так. А теперь плохие новости, Алексей Борисович. Вы утверждаете, что во время убийства Карины Школиной вы находились дома?

– Само собой.

– У нас есть свидетель. Он видел вас, когда вы убегали от подъезда Школиной. Ориентировочно в то время, когда вам якобы звонил неизвестный.

Филин почувствовал, как у него кружится голова. Этого не может быть.

– Я был дома, – тихо отозвался он, не в силах поверить в услышанное. – Меня никто не мог видеть во дворе Карины, потому что меня там не было! Ваш свидетель врет. Ему или заплатили, или заставили это сказать.

Старостин задумчиво посмотрел на Филина. Было видно, что на судьбу опера ему плевать. Пожав плечами, Старостин взял бланк для протокола и ручку.

– Как скажете. Ладно, Алексей Борисович, давайте приступим. Сначала вернемся к первому убийству. В каких отношениях вы находились с гражданкой Ермишко?...

Допрос под протокол продолжался пару часов. Филин в очередной раз сказал все, как было на самом деле, с отчаянием понимая, как безнадежно звучит его версия событий. Но сейчас его по крайней мере никто не бил.

А как только наступил вечер, Филина в очередной раз повели в допросную, где его поджидали Хрулев и Копылов.

– Созрел, Филин? – хмыкнул Хрулев. – Надеюсь, уже дошло, что ты попался? Я говорил со следаком. Он говорит, что шансов у тебя нет. Даже с присяжными. Тебе кранты, Филин. Минимум двадцаточку я тебе гарантирую.

Может, сказывался недосып, может – просто моральное истощение. Но сейчас Филину было на это плевать.

– Я никого не убивал. Если бы я хотел их убить, я бы сделал это по-другому. Так, чтобы мое имя вообще нигде не всплыло. Они пропали бы – и все. И числились в потеряшках. Никто никогда не нашел бы трупы. Хрулев, я в операх почти 15 лет. Неужели ты думаешь, что я не смог бы грамотно это обставить?

– Смог бы, – согласился майор из УСБ. – Только мы видим, что ты псих. Маньяк, понимаешь? Маньяки бывают редко, а среди ментов вообще почти никогда. Так что считай, ты первый.

– Я был дома. В обоих случаях. И биллинг моего сотового это подтверждает.

– Плевать мне на биллинг! – изрыгнул Хрулев. – Я знаю, что это был ты! И ты это знаешь. И Копылов это знает. Это знают все, Филин. Обе – твои бывшие любовницы. С обеими ты устроил эти тупые звонки, чтобы попытаться нас запутать. Обоих ты утопил в ванной. Полное совпадение.

Филин промолчал.

– Маньяки, кстати, часто знакомятся по работе со своими жертвами, – продолжал рассуждать, словно в издевку, Хрулев. – Когда-то в Москве был серийник, один из первых в СССР. Газовиком из Мосгаза представлялся. А ты опером. Так что в плане почерка у тебя нет ничего оригинального. Я на суд даже эксперта-психиатра притащу. Он целую лекцию прочитает. Чтоб ни у кого сомнений не оставалось.

– Да хоть стриптизерок туда притащи, чтобы на коленях у судьи станцевала, – буркнул Филин, снова закипая. – Майор, у меня есть бывшая жена, Маша. Ты с ней говорил, помнишь?

– Допустим, – Хрулев непонимающе нахмурился.

– Можешь приставить к ней охрану или наружку? Хоть кого-нибудь, чтоб за ней приглядывали.

– Ради чего?

– За последние годы у меня было только три женщины. Маша, Карина и Лена. Лены и Карины больше нет. Если мокрушник не остановится, на очереди Маша. Я не хочу, чтобы и ее утопили в ванной.

Хрулев расплылся в издевательской улыбке.

– Ты на какой ответ надеешься, придурок?

– Я просто прошу сделать это. Если ее убьют...

– ... Ее не убьют, потому что мокрушника мы взяли, – гаркнул Хрулев. – Не засирай мне мозги, урод!

– Хрулев, твою мать, меня подставляют! Ладно, ты мне не веришь, но если ее на самом деле убьют? Пожалуйста, Хрулев. Хочешь закрыть меня? – вот он я, перед тобой! Но Маша ни в чем не виновата...!

В разговор вклинился спокойный Копылов

– Вы говорите, вас подставляют. Кто, капитан? Кто вас подставляет?

Вопрос был резонный, и он угодил в цель. Филину было нечего сказать в ответ. Хрулев воодушевился:

– Кстати, Копылов правильные вещи спрашивает. В натуре, кто? Даже если на секунду представить, что это так. Кто? Кто на тебя такой зуб заимел? Ты у нас капитан Каттани, который мафию успел как следует потрепать? Включи мозги, Филин! Ты обычный рядовой опер-территориал. У тебя земля на окраине города, с хрущевками и частным сектором. Наркоманы, алкаши и пенсионеры...

– ... И «Саванна», – добавил Филин, буравя Хрулева взглядом. Тот и бровью не повел:

– А, где ты облажался недавно? Слышали-слышали.

– Откуда, интересно? – не выдержал Филин. – От Штыка, когда очередную зарплату у него получал?

Хрулев резко и мощно, наотмашь врезал Филину по лицу – так, что Филин свалился на пол. В ухе отчаянно звенело. Невольно постанывая, Филин проверил ухо. Крови нет, уже хорошо.

Ни Хрулев, ни Филин не видели задумчивый взгляд, которым Копылов одарил своего старшего напарника по УСБ при упоминании «Саванны»...

Из допросной избитого и обессиленного Филина увели двое типов в форме, когда была уже глубокая ночь. Одного из своих конвоиров, старшину, Филин знал – когда-то он работал в ППС при Промышленном ОВД. Усадив Филина на шконку, старшина дождался, когда выйдет его коллега.

– Филин, ты как? Врача вызвать?

– Не надо.

– Как же ты так умудрился, чувак?...

– Сам себя спрашиваю, – слабо ухмыльнулся Филин. Было больно – губы его были разбиты.

– Может... помочь как-то? Позвонить кому-нибудь, а?

Филин кивнул в знак признательности.

– Некому звонить. Но спасибо.

Старшина, поколебавшись, вытащил из кармана пачку сигарет и зажигалку.

– Держи.

Не дожидаясь слов благодарности, старшина ушел. Здоровяк, развалившись на своей шконке, удивленно покосился на дверь и на Филина.

– Знакомый, что ли?

Филин закурил, одарив здоровяка лютым взглядом.

– Я тебе сказал, не отсвечивай.

– Э, кореш, не обессудь, – помявшись, пробурчал здоровяк. – Без обид. Вдвоем же чалимся, кореш, ёпте. Попутался, решил, что фраерка какого-то подсадили... С кем не бывает...

Помедлив, Филин кивнул. Проблемы в камере ему были не нужны – хватало других.

– Кореш, ты это... дай курить, а.

А вот и причина внезапной дружелюбности здоровяка. Снова усмехнувшись, Филин бросил ему пачку.

В воскресенье допросов не было. Филин был даже благодарен за это своре своих мучителей. Филин выпался и сразу почувствовал себя гораздо лучше. Когда во второй половине дня за Филиным пришел старшина, Филин был уверен, что его ведут на очередную милую беседу с Хрулевым – но это было не так. В допросной Филина ждал Попцов.

– Хреново выглядишь, – нахмурился он.

– А здесь от меня как-то и не ждут, чтобы я расцвел морально и духовно, – насилу хмыкнул Филин, пожимая ему руку. – Спасибо, что зашел, Ром. Есть какие-нибудь новости?

– Кабинет УСБшники перевернули полностью. Обыскали все. Нашли секретки твои. Но дела на агентуру я вовремя занюкал, как ты просил. У себя в гараже. Ну, знаешь, у меня там тайничок.

– Спасибо. Это хорошо.

– Твою хату тоже обыскивали. Нашли что-нибудь или нет, я не знаю.

– Там нельзя ничего найти. Я чист. Разве что подкинули.

– От УСБшников всего можно ждать, – невесело согласился Попцов.

– Они говорят, есть свидетель. Который якобы видел меня, когда я убегал от Карины ночью. Но Ромыч, меня там не было. Это или п... дешь, или подстава. Можешь узнать что-нибудь?

– Вряд ли, мужик, – кисло откликнулся Попцов. – По мокрухам главк работает. В основном УСБ. Нас вообще не подпускают.

Черт. Филин, протяжно вздохнув, опустился на стул.

– Ромыч, по трупу Карины есть что-нибудь? Как ее убили? Какие-нибудь расхождения с первым убийством?

– Я говорил с криминалистами, которые на месте работали... Лех, ее нашли в ванной, как и первую. На теле есть следы ударов в корпус. То есть, она сопротивлялась. Ее приложили несколько раз, в живот и «солнышко». Если врезали как следует, у нее дыхание перебило. Тогда ее и задушили. И держали, пока она не откинулась... А потом погрузили в ванную. Чтоб было похоже на первую мокруху.

Карина была хорошей женщиной. Веселая, живая, целеустремленная. Филин сразу представил сцену убийства и почувствовал, как в его груди закипает холодная ярость. Ради чего она погибла – он не знал. В адрес кого была направлена ярость – он не знал тем более.

Поздним вечером в камере здоровяк, попросив у Филина очередную сигарету, поинтересовался:

– Кореш, а тебя за чё замели?

Филин долго думал, что ответить и отвечать ли вообще.

– Мокруху шьют.

– Фигово, – согласился здоровяк. – В отказ идешь?

Филин бросил на него быстрый взгляд. Наседками для внутрикамерной разработки не удивишь никого.

– А ты с какой целью интересуешься, корешок?

– Да я так, просто, чувак, ты че.

– Самого-то за что замели?

– Да так, по мелочи, – нехотя и довольно загадочно отозвался здоровяк и, поспешно «забычковав» недокуренную сигарету, улегся на шконку и отвернулся.

В понедельник утром Филина повезли в СК. Собираются арестовывать, мрачно догадался он. Значит, теперь в СИЗО. Филин, еще недавно шокированный таким поворотом событий, начал понимать, как глубоко увяз. Доказательств на него почти не было, но он мог навскидку назвать прорву случаев, когда людей осуждали и закрывали на много лет вообще без доказухи. Доказательство – дело не только наживное, но и субъективное. При наличии желания их можно придумать или сфабриковать.

В его случае у УСБшников желания было, хоть отбавляй.

В здании горотдела комитета его встретил щедушный адвокат.

– Я из городской коллегии, представляю ваши интересы, – сообщил он.

– Вы с делом познакомились?

– Пока еще нет. Не успел. После опознания следователь обещал дать материалы на ознакомление.

– Опознание?

– Вас привезли на опознание.

Филин нахмурился. Таинственный свидетель, который якобы видел Филина там, где не мог видеть никак. Он ждал и не мог дожидаться, когда конвоиры поведут его в кабинет следователя.

И не напрасно.

Для опознания старались не больше, чем обычно. Двое подсадных были разного с Филиным роста и совсем на него не похожи. Филин, мрачно покосившись на них, подумал, что любой сомневающийся немедленно укажет на него.

– Филин, встаньте посередине. Вы слева и справа. Вот так, – бормотал Старостин. – Понятые, готовы? – понятые кивнули. Тогда следователь бросил конвоирам: – Зовите свидетеля.

Конвоир стукнул в дверь. Когда она открылась, в кабинет в сопровождении Хрулева неуверенно шагнул невысокий и растрепанный тип лет 35. Филин пораженно окаменел, увидев его.

Это был Клаус. Наркоман с его «земли». Тупой и безмозглый, непригодный ни для чего – даже для того, чтобы быть заштатным разовым стукачом. С полгода назад во время очередной облавы по притонам, когда Филин в сотый, наверное, раз столкнулся с Клаусом, Попцов хотел завербовать его. Филин отговорил напарника. Клаус был трусом, трусом до мозга костей. На что-то решительное он был способен лишь в поисках дозы, подстегиваемый ломкой – но не более того.

Увидев Филина, Клаус посерел от страха и отвел глаза.

– Господин Кириллов, – Старостин обратился к Клаусу. – Вы как свидетель предупреждаетесь об ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и заведомо ложное опознание по статье 306 УК РФ. Вы меня понимаете?

Клаус сдавленно кивнул, старательно не замечая Филина. Филин же, прищурившись, буравил его лютым взглядом, готовый вцепиться ему в глотку немедленно. Клаус, тварь. Филин мог закрыть его сто раз. Зная, что Клаус настолько трус, что не способен на какое-то насилие, Филин просто жалел его. Урок на будущее.

– Господин Кириллов, опознаете ли вы кого-нибудь из предъявленных вам граждан? Если опознаете, то укажите на это лицо рукой и объясните, по каким признакам вы его опознали, а также когда и при каких обстоятельствах видели. Господин Кириллов?

Хрулев нетерпеливо кашлянул. Клаусу пришлось посмотреть на Филина и подсадных. Когда они встретились взглядами, Клаус невольно судорожно сглотнул. Он был в панике, это было видно невооруженным глазом. Покосившись на остальных, Клаус жалко пробормотал:

– Нет.

– Что? – рыкнул Хрулев.

– Хрулев, – осадил его следователь. – Попрошу вас выйти.

Сжав зубы, Хрулев вышел и хлопнул дверью. Клаус уставился на пол, чтобы ненароком не столкнуться глазами с Филиным. Филин же продолжал буравить его испепеляющим взглядом.

– Господин Кириллов, посмотрите внимательно. Вы описали человека, которого вы видели бегущим во дворе дома 45 по улице Котова. Этот человек находится сейчас в этой комнате?

– Там бежал какой-то тип, – промямлил Клаус, готовый провалиться сквозь землю, лишь бы не находиться здесь. – Но тут... нету его.

Следователь нахмурился. Он явно рассчитывал на другое.

– Ясно. Кириллов, распишитесь вот здесь.

Эпитет «господин» резко пропал. Филин продолжал испепелять Клауса взглядом, пока тот прошамкал к столу следователя и поставил автограф. После чего с надеждой пробормотал:

– Я... это, я могу идти?

– Свободен, – сухо бросил Старостин.

Когда вышли подставные и понятые, следователь пригласил Филина присесть за стол. В кабинет немедленно вернулся злой Хрулев.

– Он его узнал. Клаус торчок с его земли, ясен хрен он его узнал! Но побоялся говорить.

– Опознание завалено, – огрызнулся Старостин.

– Можем мы поговорить наедине?

– Не сейчас, – категорично возразил адвокат. – Сначала по поводу моего клиента. И так, у вас нет свидетеля. А что у вас еще есть кроме гольных подозрений? Хоть что-нибудь? Биллинг подтверждает, что во время звонков мой клиент находился совсем в другом месте. Так что я буду ходатайствовать об освобождении моего клиента из-под стражи как можно скорее.

– Хрена с два, – прорычал Хрулев.

– Следователь здесь пока я, – отрезал Старостин, угрюмо косясь на УСБшника. – Вы говорили, что у вас есть свидетель. Как оказалось, это не так. И мне не с чем идти в суд для ареста. Был бы уголовник с тремя ходками – не вопрос. А перед нами оперативник с отличными характеристиками...

– ... И двумя трупами! – не сдавался Хрулев.

Филин решил, что пора открыть рот и ему.

– Если кто-то боится, что будет еще и третье убийство – я готов, чтобы ко мне приставили наружку. Можете приставить ее даже к моей бывшей жене Марии Филиной. Я не просто готов,

я даже спасибо скажу. Может, хоть тогда у нас появятся нормальные свидетели, а не запуганные Хрулевым наркоманы.

Майор УСБ с удовольствием придушил бы Филина собственными руками, прямо здесь и сейчас.

Но этот раунд Хрулев проиграл.

2

Когда Филин, до конца не веря, что он на свободе, вышел из здания СК, у дверей его поджидал яростный Хрулев.

– Филин, выронок драный, я тебя все равно достану, слышишь?

За его спиной раздался демонстративный кашель. Обернувшись, Хрулев обнаружил позади себя Басова. Тот подчеркнуто вежливо кивнул УСБшнику:

– Юрий Васильевич.

Сжав зубы, Хрулев ответил сухим кивком. И, напоследок одарив Филина ненавидящим взглядом, скрылся в дверях СК. Филин хмыкнул, протягивая руку Басову:

– Не беси его. Это опасно.

– В курсе, – согласился Басов. И протянул Филину ключи от его машины. – Твоя тачка. Я пригнал ее. Решил, что домой ты захочешь ехать на колесах.

– Спасибо, Дим.

Басов помялся, не зная, как сказать.

– Ты же понимаешь, что в отделе тебе лучше не показываться?

– Я отстранен?

– Следак наверняка пришлет бумажку. А бесить комитет и УСБшников я не буду. Даже ради тебя. Извини.

Сейчас Филину было все равно. Он мечтал лишь об одном – попасть домой.

В квартире царил бедлам. УСБшники во время обыска не ставили целью сохранить после себя порядок. Шкафы и полки распахнуты, вещи разбросаны.

Приняв душ, Филин с наслаждением развалился на своей кровати. Как все-таки мало нужно человеку для счастья. Пару суток в провонявшей мочой и потом камере городского ИВС – и ты на седьмом небе от счастья только после элементарного душа и мягкой постели.

Но блаженство было недолгим. Уже через несколько минут Филин мысленно вернулся к проблеме №1.

Итак, факт первый. Убили Карину и Лену. Женщины, с которыми Филин спал после развода.

Факт второй. В обоих случаях убийца звонил Филину и молчал в трубку. В обоих случаях убийца оставил трупы в ванной, хотя Карину он задушил, а не утопил. Смысл очевиден – показать всем, что это дело рук одного и того же человека. Цель также очевидна – подставить Филина.

Факт третий. Это до невозможности странная и нелепая подстава. Подбрось оперу наркотики или оружие, напади на опера ночью в подъезде, оглуши и забери у него служебное удостоверение и ствол, – и готово. Если же у кого-то не хватает мозгов на элементарные вещи – как он может найти не только мозги, но и ресурсы для того, чтобы копаться в его биографии и убивать женщин?

Факт третий больше всего поражал Филина. Об этом он думал, не переставая, уже несколько дней – с того самого момента, как увидел погруженный в ванную труп Лены. Никакого объяснения этому Филин найти не мог.

Но объяснение было. Надо только найти его.

Факт четвертый. Клаус. Он не жил в доме Карины на Котова. Как Клаус оказался впутанным в эту историю? Запугали, заплатили? И кто – Хрулев или убийца? Ответа тоже не было.

Факт пятый. Маша. Если неизвестная ему тварь убила уже двух женщин – никто не может поручиться, что он не захочет убить третью.

И это сейчас было самым главным. Поэтому Филин первым делом позвонил Маше. Он знал, что его сотовый могут прослушивать. Но в данном случае это было ему на руку.

– Маш, привет. У тебя все нормально?

– Почему ты спрашиваешь?

– Ты на работе?

– Где мне еще быть, Филин? Сейчас рабочий день.

– Слушай, – Филин не знал, как подготовить ее к тому, что он хотел сообщить бывшей жене. – Помнишь, я тебе электрошокер подарил? Он еще у тебя?

Маша, судя по голосу, была удивлена.

– Дома лежит. Зачем тебе?

– Пообещай мне одну вещь. Носи его с собой. Хотя бы несколько дней. И почаще смотри по сторонам.

После паузы Маша встревоженно отозвалась:

– Почему? Что случилось?

– Долго рассказывать.

– А ты попробуй! – она нервничала все больше. – Зачем мне шокер с собой носить? Что происходит? Ты напился?

– Помнишь, к тебе приезжали из полиции? Я полгода встречался с одной женщиной. Ее кто-то убил. – Маша ахнула в трубку. – А потом убил Карину. Ту самую бухгалтершу. Я не знаю, что за фигня творится, Маш, но умоляю тебя, носи с собой шокер. А если увидишь или услышишь хоть что-то подозрительное, сразу звони мне. Сразу, поняла? Если почувствуешь, что за тобой следят, или вдруг странные звонки будут по телефону, типа ошиблись номером...

Маша не дала ему договорить. Ее голос дребезжал.

– Ты во что меня впутываешь, Филин? Это что еще за дела? Урод, ты мне мало неприятностей принес, пока мы с тобой вместе жили?! Ты куда меня впутал?!

– Маша, можешь орать, сколько тебе влезет, но я умоляю – сделай, как я прошу! Это очень важно! А если можешь, вообще поживи где-нибудь в другом месте. У подружки, у родителей, не знаю...

– А теперь слушай сюда, Филин, – Маша была почти в истерике. – Я не знаю, что у тебя на уме, но не звони мне больше! Забудь мой номер и отвали, понял? Я не для того с тобой развелась год назад, чтобы всякую х... ню от тебя слушать! Ты меня понял?! Не звони мне больше никогда!

Маша отключилась. Мрачно опуская телефон, Филин понял, что Маша не сделает ничего из того, о чем он просил.

Но что делать ему? Поселиться у нее под дверью? А если убийца никогда к ней не придет? Попросить коллег присмотреть за ней? Как, если ему самому лучше не показываться на собственной работе?

Мрачно вздохнув, Филин отогнал от себя неприятные мысли и сделал новый звонок.

– Это я. Надо встретиться.

Перед тем, как выйти из дома, Филин забрался в распахнутый сейф. УСБшники перевернули все вверх дном, но его травматический пистолет оставили в покое. Право на ношение травматика у Филина было. И слава богу. Сейчас травматик оказался единственным оружием, которое он мог себе позволить.

Направляя автомобиль к месту встречи, Филин постоянно косился в зеркало заднего вида. Хвоста не было. Значит, наружку к нему не приставили. С одной стороны – это хорошо. С другой... О другой стороне Филин даже думать не хотел.

Тютюня ждал опера у входа в парк Металлургов. Подъехав, Филин посигналил, приглашая Тютюню внутрь. Когда стукач уселся на пассажирское сиденье, то недоуменно нахмурился при виде Филина.

– Борисыч, ох... ть, что с лицом?

– Бандитская пуля.

– Может, бандитская бита?

Филин тронулся, покотив к магазинам на Турбинной.

– Тютюня, у меня к тебе дело. Помнишь Клауса?

– Задрот, – презрительно фыркнул Тютюня.

– Согласен. Чем он сейчас занимается, в курсе?

– Вроде наркотой пытается банчить. Среди таких же лошар, как и он сам.

– Наркотой? – нахмурился Филин. – У кого закупается?

– А я знаю? Мне не по масти с такими лошарами корефаниться, Борисыч.

– Никто не просит тебя с ним корефаниться. Где он сейчас обитает, в курсе?

Тютюня задумчиво почесал репу.

– Вроде хату где-то снимает. Что-то я такую сплетню слышал. Но слышал уже давно. Хэ зэ, где он сейчас.

– Есть выход на кого-нибудь из его корешей? Мне нужен его адрес.

– Ладно, покалякаю кое с кем.

– И постарайся побыстрее, Тютюня. Это важно.

Тютюня удивленно покосился на Филина.

– Неприятности, Борисыч?

– Прорвемся. Если ты поможешь.

Около салона сотовой связи Филин притормозил. Достал кошелек, отсчитал три тысячи и вручил Тютюне. Тот поначалу обрадовался:

– От души, Борисыч...!

– Размечтался. Паспорт при себе? – Тютюня непонимающе кивнул. – Иди и купи мне трубу с симкой на свое имя. Сдачу можешь оставить себе. Как раз будет на что посидеть в «Саванне».

– Чего?

– Сегодня вечером ты идешь в «Саванну». Сидишь, пьешь пиво, культурно отдыхаешь. И следишь, что там творится. Меня интересует Штык. С кем он общается, с кем он здоровается, даже кого он по заднице шлепает. Меня интересует все. Совместишь приятное с полезным.

– Вы за Штыка решили серьезно взяться, походу, – догадался Тютюня.

– Я не успокоюсь, пока он не сядет. Топай давай.

Тютюня отправился в салон сотовой связи. А Филин снова покосился в зеркало заднего вида, пытаясь вычислить хвост, если он был. О том, что Филин сам одной ногой на зоне, осведомителю лучше не знать.

– Алло, Катя, это Филин.

– Леш, слава богу! – обрадовалась Катя. Услышав неподдельное волнение в ее голосе, Филин невольно улыбнулся. – Мне твой коллега звонил, сказал, что у тебя неприятности. Надеюсь, не из-за меня?

– Конечно, нет. Все нормально?

– Сижу дома, в выходные только в магазин выходила. Все спокойно.

– Молодец, Катя, так держать.

– Леш, а мне долго еще тут куковать? Честно говоря, я в четырех стенах уже на стенку лезть готова...

– Тогда лезь, только без фанатизма. – Катя рассмеялась. – Но из дома пока ни ногой. Лучше перебдеть. Еще один женский труп мне не нужен.

– Что? – голос Кати испуганно ёкнул.

– Не обращай внимание, это такая ментовская поговорка. И запиши этот номер. На старый больше не звони.

Отключившись, Филин направил машину на улицу Деповскую. Здесь находился районный рынок, вокруг которого в последние годы пооткрывались офисы. Даже в Промышленном районе может быть свой деловой центр. Но в отличие от настоящих деловых центров, здесь располагались фирмы с торговыми оборотами, не позволявшими снимать помещения в приличном районе.

Карина работала в бухгалтерии одной из таких фирм. Встречаясь с ней, Филин несколько раз бывал в офисе и даже был знаком с гендиректором фирмы. «Атлантик Фарба», так именовалось предприятие, снимало офис в бывшем производственном цеху какого-то завода, закрытого в 90—е.

На вахте дремал охранник. Он лишь покосился на Филина, не сказав ему ни слова. Филин подошел к лифтам и вызвал один из них. Когда он зашел в кабину, следом за ним поспешил человек в костюме. Филин узнал его.

– Здравствуйте. Вы Головин, да?

Головин удивленно и с опаской покосился на Филина со следами побоев на лице. Беззаботно улыбнувшись, Филин пояснил:

– Производственные травмы. Я полицейский. Теперь вспомнили? Мы с вами виделись несколько раз.

– А! Совин, да?

– Почти. Филин. Алексей. – Филин пожал Головину руку. – А я как раз к вам.

– Ко мне?

– Вы были шефом Карины Школиной. А ее убили...

Головин мрачно кивнул.

– Да. Ужас вообще. Я когда узнал... Бред. Просто бред. Кому она могла помешать?

– Это я и собираюсь выяснить. К вам мои коллеги из УВД города еще не заезжали?

– Вы первый, – вздохнул Головин. – Пройдемте ко мне в кабинет, там и поговорим, чтобы никто не мешал, хорошо?

Попетляв по коридорам на пятом этаже здания, они свернули в небольшой уютный кабинет. Головин щелкнул кнопку кофе-машины.

– Кофе?

– Спасибо, было бы хорошо.

Поставив чашку перед Филиным, Головин уселся напротив. Теперь он выглядел мрачным и подавленным. Возможно, это было неестественно – но положение обязывает.

– Алексей, Карина ведь работала в бухгалтерии?

– Само собой. Причем я ее несколько месяцев назад назначил главным бухгалтером.

– Даже так?

– Предыдущий главбух ушла. Нашла работу где-то в центре, кажется. А других достойных претендентов не было. Да у нас вся бухгалтерия – три человека. Главбух, бухгалтер и кассир.

– То есть, она была второй человек в компании?

Головин замялся.

– Ну, формально у меня есть помощник, но... В общем, да, можно и так сказать. Карина была по сути моей правой рукой.

Филин вдруг вспомнил события восьми-девятимесячной давности. Карина заканчивала работу, когда Филин зашел за ней. Потом в кабинет заглянул Головин, предложивший подбросить Карину до дома. В памяти опера всплыло, как Головин скривился и натянуто улыбнулся, узнав, что Филин был ее ухажером.

– Простите, вас зовут...?

– Егор Александрович. Для вас просто Егор.

– Егор, вам ведь нравилась Карина? Я имею в виду, как женщина?

Головин замялся.

– Как вам сказать... Черт, вы ее видели? Конечно, видели, вы ведь сами с ней встречались. Она была красивая и умная. Молодая. Само собой, нравилась, я ведь живой мужик. А... почему вы спрашиваете?

– Карина говорила, что вы пытались за ней ухаживать.

– Вот как, – Головин натянуто улыбнулся. Слышать об этом ему было неприятно. – Надо же... Да, пытался. И, кстати говоря, успешно. Мы с ней какое-то время назад... встречались, скажем так.

До Филина стало доходить.

– Как долго она главным бухгалтером у вас работала?

– Полгода, чуть больше... А что?

Филин усмехнулся.

– Понятно. Примерно тогда же Карина заявила мне, что стала встречаться с другим. С вами, угадал? Вы предложили ей должность главбуха, и она сделала выводы.

Головин недобро покосился на Филина.

– Простите, Алексей, вы об этом хотели поговорить? Я думал, раз ее убили, у вас вопросы будут... ну, ближе к делу, что ли?

– Так и есть, – согласился Филин. – Если вы с Кариной были в отношениях, то вы можете мне помочь. Егор, на работе у Карины все было в порядке? Я имею в виду, конфликтов ни с кем не было?

– Кто будет ругаться с главным бухгалтером и подружкой босса? – искренне удивился Головин.

– Логично. А все-таки?

– Нет, все в порядке. Коллектив у нас не очень большой, 42 человека. Из них десять работают на складе и в офисе почти не показываются. Разве что в день зарплаты. Если бы были какие-то конфликты, я бы знал. Коллектив у нас дружный. Для всех смерть Карины стала таким шоком... Особенно для меня, сами понимаете...

– А в последние дни перед смертью Карина не говорила ни про какие звонки странные? Ну знаете, между делом? На сотовый, или, может быть, в дверь? Или, например, что она чувствует, будто за ней то-то следит?

Головин почти испугался.

– За ней следили?

– Все может быть.

– Нет, ничего такого. Офонареть... Следили? Алексей, простите, а... из-за чего ее могли убить? У вас вообще есть версии? Хоть какие-нибудь?

«Ее убили, потому что она спала со мной», – подумал Филин мрачно. Но вслух сказал другое.

– Вкусный кофе у вас.

Все, что показывали вечером по телевизору, вызывало у Кати отвращение. Кабельного ТВ в квартире, конечно, не было, а по основным каналам шли либо тошнотворные сери-

алы, либо еще более тошнотворные ток-шоу. Катя пожалела, что так и не купила себе ноутбук, который уже давно присмотрела в магазине, но что-то ей постоянно мешало.

Лучи заходящего солнца под углом проникали в квартиру через окно, и в этом ракурсе было видно, как здесь пыльно. Хотя Катя лишь вчера протирала полы. Но сейчас пол был покрыт тонким слоем пороши, а в лучах солнца стаями микроскопических мошек вились пылинки. Это из-за старой мебели, решила Катя.

Чтобы хоть как-то занять себя, она отправилась в ванную. Набрав в ведро воды и намочив тряпку, быстро протерла пол в гостиной. Стало лучше, хотя пыль все равно вилась в воздухе. Но с этим уже ничего не поделаешь.

Включив телевизор, Катя обнаружила, что скоро будут местные новости – об этом сообщила бегущая строка. Уже что-то. Чтобы скоротать время, она протерла пол и на кухне.

Когда она закончила, до новостей оставалось несколько минут. Прополоскав и отжав тряпку, Катя подошла к окну, чтобы повесить ее сушиться на батарею. Была ранняя осень и никакого отопления, разумеется, не было и в помине, но не держать же половые тряпки в ванной?

Окна выходили во двор. Перед подъездом по вечерам сидели старушки-соседки, судача о чем-то своем. Они там были и сейчас – Катя слышала их голоса. Выглянув, она увидела их головы – у одной клубок на макушке, голову второй покрывал платок.

А потом Катя замерла, как вкопанная.

В десятке метров от подъезда стоял серебристый «мерседес». Машина Штыка.

Катя ахнула, чувствуя, как волна страха пробегает по телу, и отшатнулась от окна. Из-за шторы, стараясь, чтобы ее не было заметно снаружи, выглянула во двор снова.

Сомнений нет – это машина Штыка. За рулем Локоть. Он курил, выпуская дым в приоткрытое окно.

Катю охватила паника, ужас сковывал тело и разум. Они пришли за ней! Что делать? Звонить Филину? Но ведь они уже здесь! А если он не успеет!

Катя бросилась к входной двери, заглянула в глазок. На площадке никого. Осторожно приоткрыв дверь, Катя выглянула в подъезд. Никого. Сделав осторожный шаг к перилам, посмотрела вниз. Никакого движения.

Бросившись назад, Катя заперла дверь на замок. Дверь была деревянной и старой, Катя чувствовала себя беспомощной. Она метнулась к окну. Локоть выбросил окурочок, но продолжал сидеть.

Вряд ли он один! Задние окна тонированы. Катя готова была поклясться, что остальные – Гепи и сам Штык – находятся в «мерседесе». Но чего они ждут?

И в этот момент Катя поняла. Бандиты медлят, потому что перед подъездом сидят бабушки. Свидетели им не нужны.

Лишь сообразив это, Катя почувствовала, что шанс есть. Осознание этого придало сил, и она бросилась к шкафу. Выхватив спортивную сумку, принялась заталкивать в нее свои вещи. Первым делом белье. Пару футболок. Джинсы. И эти тоже. Кофточка... Катя подбежала к окну – бабушки судачили, Локоть по-прежнему сидел за рулем. Тогда она вернулась к сборам, лихорадочно запихивая в сумку свою одежду. С полки сорвала документы и кошелек с остатком денег, спрятала их в сумочке. Телефон! Его сунула в карман джинсов. И прыгнула к окну.

Бабушки, судача, встали с лавочки и побрели к подъезду. Катя замерла, инстинктивно скрестив пальцы, словно это могло ей что-то дать.

Перед домом стихло. Бабушки скрылись в подъезде.

А потом открылась задняя дверца «мерседеса». Из машины вышли Штык и Гепи. Неторопливо и уверенно они двинулись к подъезду.

БЕЖАТЬ, заклокотало в голове. Схватив сумку, Катя сунула ноги в обувь и выскочила из квартиры.

Даже не закрывая дверь, Катя ринулась было к лестнице вверх, но замерла. Сверху лишь один этаж. А если выйдут соседи? Скажут что-нибудь ей, а эти твари услышат?

От паники Катю заколотило. Закусив губу и пересиливая страх, она бросилась вниз.

Четырьмя этажами ниже хлопнула подъездная дверь, и до Кати, замеревшей в середине пролета, донеслись шаги.

Они идут.

Едва не скуля от овладевшей ей ужасом, Катя бросилась к трубе мусоропровода на средней лестничной площадке между этажами. Труба находилась очень близко к побеленной стене, и Кате пришлось втиснуться, вытирая побелку стеной.

Зажатая между стеной и трубой мусоропровода, Катя прижала к себе сумку и, плотно сжав губы, чтобы не издать ни звука, замерла.

Шаги приближались. Неспешный топот трех пар ног по ступенькам. Катя старалась не дышать, мысленно же она панически скулила: «Меня нет, идите мимо, меня нет, идите мимо...!!»

Штык, Локоть и Гепа поднялись на четвертый этаж. Осмотревшись на площадке, Штык подал знак Гепе. Низкорослый крепыш склонился над замком, изучая его, после чего кивнул сам себе. Выуживая из кармана нехитрые самодельные отмычки, Гепа машинально дернул ручку.

Дверь приоткрылась. Обменявшись быстрыми взглядами, все трое исчезли в квартире. Через секунду оттуда донесся грохот – кто-то из пришельцев ногой двинул по двери в туалет, распахивая ее.

Ждать было нельзя, да Катя и не могла. Едва не обезумев от страха, она выскользнула из-за мусоропровода, просочившись назад, как мышь, и на цыпочках побежала вниз.

Когда Катя вылетела из подъезда, во дворе не было никого. Поскуливая от подстегивающего ее страха, Катя со всех ног пустилась бежать.

Петляя по дворам, Катя начала успокаиваться. Ей удалось убежать. Слава богу, если бы не пыль – она была бы сейчас в руках этой троицы. От одной мысли, что они могли бы с ней сделать, Катю едва не заколотило. Заставив себя успокоиться, она осела на лавочку около одного из подъездов и достала сотовый.

– Алло, Леша? – собственный голос показался ей жалким и совсем незнакомым. – Это я. Они нашли меня, слышишь? Помоги.

3

«Помоги». Сказать гораздо легче, чем сделать. Филин был под подозрением, его легальный сотовый наверняка прослушивался, табельный ствол и удостоверение у него отобрали, а на работе в ОВД запретили показываться. В таком положении он не был никогда в жизни.

Но быть причиной третьего трупа он не мог.

Филин забрал Катю в том же дворе, откуда она набрала его номер.

– Как они меня нашли? Я никому не звонила!

Мчась к Кате, Филин уже успел все обдумать.

– У Штыка есть свой человек в полиции. Пробрить твои номера не так сложно. По новому номеру вычислили, где ты находишься. Так что симку можешь выбросить.

Филин съехал к обочине у растущему из заваленной окурками и прочим мусором покосившейся телефонной будки.

– Звони в полицию, карточка для этого не нужна. Скажи, что в квартиру на Паровозной вломилась неизвестные, что ты слышишь крики. Назови номер квартиры, точный адрес, попроси приехать поскорее – и клади трубку.

Кивнув, Катя побежала к будке. Набрала номер полиции. Со своего места, закулив, Филин слышал ее голос. Вернулась она быстро.

– Думаешь, их поймают?

– Отвертятся, – отозвался Филин. – Но нервы им потрепают. А у нас будет хоть какой-то козырь.

– А почему мы не можем поехать в полицию и сказать, что вот, они пришли ко мне? Чтобы их точно упекли?

– Сомневаюсь, что у них автоматы «Узи» под мышкой, – хмуро буркнул Филин. – А просто прийти куда-то и зайти в открытую дверь, где никого нет, это не преступление. Штык будет клясться и божиться, что он решил проведать тебя и узнать, почему ты так нехорошо его огорчила.

Катя едва не взвыла.

– И что делать? Куда мы едем?

– Ко мне. – увидев, как Катя покосилась на него, Филин невольно хмыкнул. – Не волнуйся, обещаю не приставать. Уже вечер, а другого места для ночлега я придумать не могу. Завтра сообразим что-нибудь.

Когда они вошли, Катя с удивлением увидела следы обыска УСБшников.

– Ты не фанат порядка, да?

– Это не я. Коллеги постарались. Когда проводили обыск.

Катя изумленно выкатила на него глаза.

– Обыск?

– Ты много не знаешь. Проблемы сейчас не только у тебя.

Катя вопросительно посмотрела на него. Решив, что без бутылки не обойтись, Филин забрался в холодильник за пивом. Катя также изъявила желание выпить. И Филин, сидя с девушкой за кухонным столом и периодически поглядывая в окно на погруженный в темноту двор, рассказал ей все – от начала до конца.

Катя была в шоке.

– Поверить не могу... И ты не знаешь, кто это мог быть?

– Ни одной версии.

– Может, все-таки Штык...?

– Про облаву в «Саванне» не мог знать никто. Мы даже местному участковому сообщили за пять минут до того, как вломиться в бар. Я специально решил подстраховаться на случай, если Штык доплачивает за крышу еще и кому-нибудь в отделе.

Катя задумчиво ковыряла этикетку на бутылке и, закусив губу, думала над ситуацией. Филин не мог не умилиться. Но, встретившись глазами с Катей, сразу же отвел взгляд.

– А кем они работали?

– Лена продавец в магазине. Ничего особенного, продуктовый, почти в центре. Самый обычный магазин – ни больших денег, ничего.

– А Карина?

– Бухгалтер в одной фирме. Я был там сегодня. Думал, может, что-нибудь всплывет... Вдруг, не знаю, большие недостатки были, или налоговая под них копала... Но тоже ничего. Только зря время потратил.

– А они между собой знакомы были?

– Нет, конечно. – подумав, Филин добавил: – Месяца три-четыре назад я заезжал к Лене в магазин. Вечером уже, после работы. Столкнулся там с Кариной, она в очереди стояла

и что-то покупала. Такой неловкий момент был. «Как дела», «а ты как», «что тут делаешь» и все такое. И все.

– То есть, в их жизни единственное подозрительное – только то... – начала Катя. Филин с кивком закончил за нее:

– ... Что обе они имели счастье спать со мной. Да. Поэтому, если посмотреть на все со стороны, я сам не верю, что я не убивал их. А проблема в том, что я знаю – это был не я. Такие дела, Катя.

– Паршиво, – согласилась она. – А я тут еще к тебе со своими проблемами лезу... Извини...

– Не говори так. Это общая проблема. Жалко, что не единственная.

Филин вздохнул, собираясь с мыслями. Катя забралась в холодильник, взяла еще одну бутылку пива.

– Можно, да? Мне, кажется, нужно. До сих пор трясет немного...

– Угощайся.

Наблюдая за девушкой, открывавшей бутылку, Филин неожиданно для себя спросил:

– Катя, а как ты вообще в «Саванну» попала?

Катя протяжно вздохнула, присев рядом. Ее колено почти касалось ноги Филина.

– Когда я училась в школе, занималась в танцевальной секции. Там платить было не надо. Это хорошо, потому что у меня родители не то чтобы не богатые... они нищие. А я всегда хотела вырваться из всего этого. Потом стало ясно, что рассчитывать на какое-то образование я не могу, потому что в Елецке нет ни вузов, ни колледжей, ничего. А чтобы учиться в городе, нужно снимать квартиру... В общем, я сообразила, что единственное, что я умею и люблю в своей жизни – это танцы. Слышал выражение: «делай то, что любишь, остальное приложится»?

– Что-то вроде того.

– Ну вот я и решила, что танцы – мой шанс как-то вырваться. Стала мечтать. Нафантазировала себе всякого... Захотела поехать в Москву, устроиться в подтанцовку к какой-нибудь звезде. – Филин хмыкнул, и Катя почти оскорбилась: – Что? Они там знаешь, сколько получают?

– Понятия не имею.

– Вообще-то, я тоже, – смутилась Катя. – Но вроде много. А для этого надо учиться, жилье снять... Вот я и переехала сюда. Сначала танцевала в «Дали», пока там хозяин не сменился. Им захотелось, чтобы у них был стриптиз. Я раздеваться отказалась и ушла. А потом кто-то рассказал мне про «Саванну»... – она горько усмехнулась. – Знаешь, теперь стриптиз не кажется мне чем-то страшным.

Она посмотрела на Филина. Филин улыбнулся.

– Два неудачника встретились?

Катя продолжала смотреть на него, но теперь взгляд изменился. Филин с удивлением понял, что девушка хочет его поцеловать. И тут же самого Филина накрыла волна желания. «Два неудачника встретились». Кому их утешать, как не друг другу? Но Филин заставил себя отвернуться, и, кашлянув, встал.

– Поздно уже. Я тебе постелю в комнате, а сам лягу здесь.

Поспать Филину не удалось. Сначала он лежал, глядя в темный потолок и слушая, как в соседней комнате, в жалких нескольких метрах от него, дышит Катя. Интересно, она спит или тоже...? Филин оборвал себя. Теперь он не мог выбросить девушку из головы – и проклинал себя за это. Еще одна проблема ему ни к чему. «А спать с тобой для женского пола опасно, можно и концы отбросить», – мрачно напомнил себе Филин. Чтобы как-то отвлечься, он закурил, прикрыв дверь на кухню, чтобы в комнату не шел дым.

А потом зазвонил сотовый.

Филин едва не выронил сигарету. Первая мысль молнией пронзила сознание: «Маша!» Но тут же до Филина дошло, что звонит другой сотовый – который сегодня ему купил Тютюня. С облегчением Филин ответил на звонок.

– Тютюня, слушаю.

– Не разбудил, Борисыч?

– Тупее вопроса не бывает, ты в курсе? Почему по ночам все спрашивают «я тебя не разбудил?» – заворчал нетерпеливо Филин.

– Полегче, Борисыч, че нервный такой? – посопев, Тютюня перешел к делу. – Я сейчас в «Саванне» пересекаю с парой корешей. Один из них знает адрес Клауса. Запишете или как?

Пока Филин лихорадочно записывал номер, открылась дверь. Катя не спала.

– Что-то срочное? – с тревогой спросила она, когда Филин отключился.

– Мне надо отъехать по важному делу. Скоро вернусь. Надеюсь... Дверь никому не открывай, поняла? Тебя здесь нет и точка. Если мне надо будет с тобой связаться, позвоню на домашний, сброшу и перезвоню снова. На первый звонок не отвечай.

Катя встревоженно наблюдала, как собирается Филин, рассовывая по карманам свои вещи и засовывая за пояс травматический пистолет.

– Будь осторожен.

Филин не удержался. Проходя мимо Кати, он быстро поцеловал ее в щеку.

– Не волнуйся.

Филин заблуждался. Волноваться стоило им обоим.

На ночных улицах не было никого. Идеальное время, чтобы отсекал хвост. За 10 минут, которые понадобились Филину, чтобы добраться до Нагорной, позади только пару раз мелькнули машины – в обоих случаях это были такси.

Двор Клауса – обычная пятиэтажная «хрущевка» – был погружен во мрак. Филин оставил машину в конце двора. Добираясь до нужного подъезда, он косился по сторонам. Никакого движения. Фонари, как всегда, не горели, свет во двор проникал из окон лишь двух-трех квартир, где жильцы до сих пор не отправились на боковую.

Подъезд Филин открыл своими «вездеходами». И сразу услышал голоса. Невольно потянувшись к пистолету, Филин направился наверх.

На площадке между первым и вторым этажами попивали пиво двое пьянчуг. При виде Филина оба напряженно затихли. Филин был готов реагировать на любой внезапный выпад, но это было лишним. Просто двое забулдыг, которым некуда податься. Проходя мимо, Филин почувствовал спертую табачную вонь запах перегара, немытых тел и мочи. Филин уже поднялся на второй этаж, когда пьянчуги негромко продолжили беседу.

Квартира Клауса находилась на третьем этаже. Филин подошел к ней и прислушался.

В квартире была полная тишина. Ни единого звука.

Но глазка не было. Отличная новость. Филин постучал – три раза быстро, пауза, два раза быстро, пауза, один раз. Пять мелких барыг-наркоманов из десяти пользовались кодами с комбинацией стуков вроде этого, но их отравленный наркотой мозг был в таком состоянии, что запоминали они только самые простые. Вроде этого.

Филин напрягся, готовый врезать по двери сразу, как только она приоткроется. Но к двери никто не подходил.

Филин постучал снова.

Пьянчуги внизу затихли. Мысленно матеря их, Филин затих. Помолчав несколько секунд, пьянчуги продолжили свое бормотание.

Отмычек у Филина не было. Клауса дома, очевидно, тоже. Дверь так просто не выбьешь, и дело было не в пьянчугах. Сразу кто-нибудь вызовет ментов, а так рисковать Филин не мог.

Оставалось только одно.

Поднявшись на площадку между третьим и четвертым этажами, Филин закурил и стал ждать. Терпения ему было не занимать, за 15 лет работы в операх Филин избавился от нетерпения в засадах. Умение сидеть и не дергаться – едва ли не главное в работе опера. А не дедукция и меткая стрельба, как учат дурацкие фильмы.

Главное, чтобы под рукой были сигареты.

Отключив звук на телефоне, чтобы ненароком не выдать своего присутствия, Филин принялся играть в карточную игру, установленную в мобильнике.

Пьянчуги снова замолчали. Филин не придал этому значения. Но когда он услышал приближающиеся шаги, быстро сообразил, что к чему. Спрятав сотовый в кармане, он прислонился к стене.

Шаги приближались. Если это Клаус, Филин слетит вниз и двинет ему по роже. А потом затащит в квартиру. Если действовать быстро, пьянчуги внизу ничего не услышат, а если услышат – не поймут. Если это кто-то из жильцов – Филин просто стоит и никого не трогает.

На площадку третьего этажа вышел среднего роста короткостриженный тип средних лет. Бросил взгляд на Филина и на секунду замешкался. Филин не удивился – ночью в Промышленном любой одинокий прохожий, встретив незнакомого мужика, как минимум замешкается.

Поколебавшись, тип пошел на Филина. Напряженно косясь на него, прошел мимо и двинулся вверх. Вскоре он скрылся за очередным пролетом.

Филин достал сигареты, закурил. А потом его рука с зажигалкой замерла на полпути в карман.

Никаких звуков наверху не было. Ни шагов, ни звука открываемой двери, ни стука. Ничего. Просто тишина.

Если человек приходит ночью в подъезд, он не может просто перестать двигаться. Он идет куда-то. Но этот путь должен закончиться характерными звуками.

Спрятав зажигалку, Филин весь обратился в слух. Полная тишина. Интуиция забила в набат – что-то здесь не так. К кому пришел этот тип? И все-таки по какой причине он замешкался при виде Филина?! А что, если...?!

Филин выудил пистолет из-за пояса и бесшумно, медленно и мягко наступая на ступеньки, двинулся наверх, тщательно прислушиваясь. Одна ступенька, вторая, третья... Четвертый этаж...

Верхний этаж пятиэтажной «хрущевки» был погружен во тьму. И вдруг оттуда, из темноты, на Филина стремительным и тяжелым локомотивом бросился светловолосый тип.

Ему удалось сбить Филина с ног, но Филин яростно схватил его за ногу. Тип повалился на ступеньки.

– А ну лежать, сука! Лежать сказал!

Филин вскочил, но тип быстро выдернул руку из под себя. Филин успел заметить только одно – пистолет.

Филин успел отскочить в сторону. Выстрел прогремел оглушительно, но пуля вонзилась в стену над головой Филина, осыпая его побелкой. Тип вскочил. Филин открыл ответный огонь из травматика. Несколько пуль отбросили типа на ступеньки, и он, ухая, скатился на площадку между третьим и четвертым этажом.

Филин бросился к нему. В этот момент прогремел очередной выстрел, и тут же левое плечо Филина взорвалось болью. Филина отбросило на стену. Оседая вниз, Филин открыл ответный огонь. Пригибаясь, тип бросился бежать и уже через секунду скрылся.

Филин прижал правую руку, которой сжимал пистолет, к плечу. Плечо отозвалось такой болью, что в его глазах вспыхнул сноп искр. На руке была свежая кровь. Кровь била нещадно – Филин чувствовал, как рукав его куртки заливает кровь изнутри.

Чертыхаясь, он побежал вниз.

– Остановите его! Стоять, сука! – пытался кричать Филин, но изо рта раздавался лишь хрип.

А потом его взгляд поплыл. Последнее, что почувствовал Филин – жесткий удар лицом об ступеньки, на которые он рухнул, теряя сознание.

Часть 4

1

Все это было больше всего похоже на сон. Вспышки, лица, голоса. Белые халаты. Темнота. А затем снова: свет, бьющий в глаза, лица, в марлевых медицинских масках, заглядывающие ему в глаза...

Филин проснулся от ноющей боли в плече, больше всего похожей на ощущение, словно кто-то ковыряет в твоём теле каким-то штырем или отверткой. Разлепив глаза, он не сразу сообразил, где находится.

Больница.

В дверь заглянула медсестра и, ойкнув, исчезла. Филин захотел поднять голову, но тело слушалось плохо – он себя чувствовал полупарализованным столетним стариком. Пришлось обходиться глазами. Скопив взгляд, увидел, что он под одеялом в кровати, голый по пояс. На плече пропитавшаяся кровью бинтовая перевязка. Плечо больно пульсировало под ней – Филин словно ощущал каждый его миллиметр.

Зашел врач.

– Проснулись? Это хорошо.

– Что со мной?

– Вы не помните?

Филин помнил, но смутно.

– У вас огнестрельное в плечо, навывлет. Сама рана – ничего страшного, но вы потеряли очень много крови. Чуть концы не отдали... Вам повезло, честно говоря.

– Долго я был в отключке?

– Вас привезли ночью. Операция прошла в пять. Сейчас девять. Считайте сами. – врач кашлянул. – Тут с вами поговорить хотят... Если вы не готовы, я скажу, что вы еще слишком слабы.

– Кто?

– Говорит, ваш коллега. Фамилия Басов.

– Басов устроит, – Филин слабо улыбнулся. – Позовите его.

– Может, все-таки...?

– Пожалуйста. И спасибо, что заштопали меня.

– Я здесь не при чем, я просто дежурный по отделению.

Врач вышел, а через миг в палату влетел Басов.

– Леха, твою мать, ты не человек а п... ц ходячий! Куда ты опять вляпался?!

– Хотел поговорить с Клаусом. Тот наркоман, которого пригнали на опознание.

– Это он тебя? – Басов был поражен. Филин слабо покачал головой.

– Клауса не было. Его искал не только я. Тот тип... Клаус прячется. Дим, когда его на том опознании завели в кабинет, он чуть не обос... лся, когда меня увидел. Он даже не знал, что надо на меня пальцем показать. Поэтому не стал рисковать. Его заставили пойти туда вслепую.

– Кто?

– Откуда я знаю, ё... в рот.

– А какого лешего ты к нему поперся? Мог бы мне сказать! Я же просил тебя не высываться, Лех!

– А ты бы Клауса стал дергать? А если бы об этом Хрулев узнал? Готов со мной на нарах вместе чалиться? У тебя семья, сын.

Басов хмуро промолчал – Филин был прав. Сев рядом, Басов со вздохом сказал:

– Как бы то ни было, ты сейчас потерпевший. Твой травматик, кстати, ППСники по моей просьбе заныкали. УСБшникам не стоит знать, что ты со стволом по ночам разгуливаешь. Когда выйдешь, заберешь, он у меня в сейфе лежит.

– Спасибо, Дим. Где мои вещи? Мне нужны мои сотовые. Оба.

– Держи. – Басов положил телефоны на тумбочку около кровати. – Зачем тебе два?

– Я в последнее время жутко занятой.

– Вот урод, даже не скажет, – беззлобно хмыкнул Басов.

– Дим, помнишь ту девчонку, Катю? Она сменила квартиру. Но Штык ее нашел. Она вчера чудом смылась оттуда. С автомата мы позвонили в дежурку. Штыка задерживали?

– Нет, – удивленно отозвался Басов. – Я бы знал. Ничего такого.

– Твою мать... Значит, успел смыться.

– Слушай, Леха, ты давай определись, что для тебя важнее, а? Эта Катя и Штык или собственная шкура. Не надорвись уже. За двумя зайцами погонишься... сам в курсе, в общем. – Филин промолчал. Тогда Басов спросил главное: – Ты помнишь, кто это был? Кто стрелял?

В сознании Филина всплыло лицо типа, продырявившего его плечо.

– На полголовы ниже меня где-то. Лет 35, может 40. Волосы светлые, короткие... Если увижу, узнаю.

– Я пришлю к тебе кого-нибудь из отдела с ноутбуком, нарисуете фоторобот.

– И еще. Позвони Маше. Я боюсь, что эта сука достанет и ее. Хрен знает, зачем, но он уже убил двух моих бывших.

– Скажу Попцову, он займется, – согласился Басов.

Кивнув, Филин помедлил, прежде чем сказать то, что собирался.

– Дим, помощь нужна. Привези мне досье на Клауса.

– Слушай, а не до фига ли ты хочешь? – оторопел Басов. – Валялся бы и в тряпочку молчал, твою мать!

– Клаус не просто свидетель. Он что-то знает. Когда он увидел, на кого он должен указать, он понял, что ему конец. Его достанут или одни, или другие. Поэтому он свалил. Поэтому тот м... к со стволом приперся к нему. Он шел, чтобы завалить Клауса. Они тоже его ищут.

Басов вздохнул.

– Ладно... А кто – они? Кто это был?

Филин помедлил с ответом.

– Это наш мокрушник. Тот, кто убил Лену и Карину.

– Что? С чего ты взял?

– Я уверен. Он знает меня. Узнал меня в лицо. Я сразу не сообразил... но он меня узнал.

И все понял. Поэтому стал пробиваться к выходу, когда я пошел за ним.

Басов покачал головой. Он выглядел обескураженным.

– А кто он, нафига ему это все...?

– Вообще не в курсах, до сих пор, – честно ответил Филин. И твердо добавил: – Но теперь я видел его рожу. Теперь это для меня не просто голос. Я знаю, как он выглядит. И найду его.

Первым делом после ухода Басова Филин взялся за телефоны. На обоих были неотвеченные вызовы. Все звонки из его дома. Катя... Филин сразу же позвонил на домашний. Услышав гудок, сбросил и позвонил снова – как договаривались.

Судя по голосу, Катя чуть не плакала.

– Наконец-то! Ты где?

– В больнице.

– Что случилось?!

– Бандитская пуля, – привычно ответил Филин. Впервые это было правдой. – Долго рассказывать. Сегодня-завтра я вернусь. У тебя все нормально? Никто не приходил?

– Нет, но я... места себе не нахожу...

– Успокойся. Все будет хорошо.

Странно, но, встретившись лицом к лицу с противником, Филин изменился – словно воспрянул духом. Теперь он действительно был уверен, что найдет его. И что все действительно будет хорошо.

Встать с кровати получилось легко, а вот идти – не очень – голова кружилась. Сказывалась большая кровопотеря. Кое-как добредя до двери, Филин вдоль стеночки побрел в туалет. Дежурная медсестра за постом отвлеклась от телевизора и буркнула:

– А вы куда? Вам сказали не вставать.

– А вам работать, а не телевизор смотреть, – огрызнулся Филин. Медсестра сжала зубы и отвернулась к телевизору. Проходя мимо, Филин невольно посмотрел на экран.

Шли местные новости. На экране был тип в полицейской форме с погонами подполковника, в нем Филин узнал начальника пресс-службы областного УВД. Подполковник говорил в камеру:

– Налицо все признаки того, что убийства совершены одним и тем же человеком. Учитывая, что речь идет о серийном преступнике, к работе брошены лучшие оперативные сотрудники и лучшие следователи следственного комитета. Я не могу разглашать подробности, но заверяю вас, что преступник будет задержан в самое ближайшее время. А о причастности кого-то из сотрудников пока я ничего не могу сказать.

А потом на экране возникла дикторша в костюме, сидящая в студии новостей. Обращалась к зрителям, она деловито заговорила:

– Напомним, в течение последней недели в нашем городе произошло сразу два жутких убийства. Одиноким проживающих женщин находили утопленными в собственных ваннах. По словам нашего источника в полиции, убийцей может быть сотрудник правоохранительных органов. Но пока никто не подтвердил, но и не опроверг эту информацию. А в городском отделе Следственного Комитета и вовсе отказались комментировать информацию, сославшись на тайну следствия...

Направляясь дальше вдоль стены, Филин нахмурился. Утечка в прессу. И если поначалу СК и менты пытаются отбрыкиваться от этих слухов, то очень скоро им придется открыть рот. И срочно показать результат – это вопрос репутации.

А результат у них может быть только один. Немедленный арест Филина.

Перед обедом в больницу к Филину снова приехал Басов. Он помог Филину спуститься вниз. Перед зданием больничного корпуса был крохотный пятачок, поросший кустарником, с лавочками и ржавой конструкцией в центре, которая когда-то позиционировалась как фонтанчик. Филин и Басов закурили, и Басов вручил Филину досье на Клауса.

– Смотришь все материалы здесь и сейчас, а потом я их забираю, – предупредил он. – Я не хочу, чтобы УСБшники на меня потом всех собак спустили.

– Не вопрос, Дим. Спасибо.

Филин открыл папку. Титульный лист с паспортными данными Клауса, короткой справкой о судимостях и приводах, лист с отпечатками пальцев, фотография. Даже не фото Клаус выглядел жалким пугалом.

– Я послал пару человек, мы проверили квартиру Клауса, – поведал Басов. – Никого. Пришлось нарисовать анонимное сообщение о неприятном запахе, чтобы зайти внутрь без постановления.

– Что нашли?

– Да ничего, Лех. Даже вещей. Клаус свалил оттуда. Соседи говорят, что как минимум сутки его не видели.

– Сутки, – повторил Филин. – Клаус свинтил с адреса сразу после опознания. Понимаешь? Он понял, что его втравили в какую-то разборку между бандосами и ментами, обделался и свалил. Понял, что ему все равно конец. Достанут или одни, или другие.

Басов нахмурился.

– Можно было бы его в розыск объявить... Но оснований у меня нет.

– Попробуй через агентуру. У Клауса не так много корешей в районе. Попцов знает половину из них...

Филин замолчал, потому что наткнулся в досье Клауса на интересную информацию.

– Смотри-ка. Четыре года назад Клаус проходил свидетелем в деле по мокрухе.

– У нас на земле? Я не слышал о таком.

– Нет, мокруха была в Южном, не у нас. – Филин водил пальцем по бумаге, ища нужную информацию. – «Обвиняемый по делу Сватенко Николай Андреевич... Согласно показаниям... В ночь на... Находился в компании с Кирилловым М. А., распивая спиртные напитки...», – Филин поднял глаза на Басова. – Как я понял, Клаус дал ему алиби на время мокрухи. И благодаря этому Сватенко удалось соскочить со статьи.

– И что?

Филин лихорадочно соображал.

– Клаус может сделать что-то, только если его припугнуть. Он трус и очкун. Четыре года назад он отмазал какого-то типа от статьи, а никто в Промышленном районе об этом не знает. Хотя Клаус обычно любит потрепаться, если слухи его репутации помогут. Тут самый тот случай. А никто об этом не знает. Я по Клаусу много раз работал, а о той мокрухе слышу первый раз.

– На что намекаешь?

– Не знаю. Пока ни на что. Дим, можешь мне найти дело на этого Сватенко? Кто он такой вообще?

Басов не сдержался и матюгнулся.

– Лех, ты меня уже бесить начинаешь. Я начальник угрозыска Промышленного района, твою налево, а не твоя секретарша. – Филин молчал и лишь смотрел на Басова. Прием был старый, но срабатывал всегда. Басов вздохнул. – Ладно, хрен с тобой... Только пришлю тебе на трубу. У меня дел в отделе навалом.

После обеда, когда Филин закинул в себя хоть и отвратительную на вкус, но крайне нужную ослабленному после потери организму больничную еду, прошло головокружение.

А затем Филина позвали в перевязочную, где врач осмотрел рану, а медсестра сделала новую перевязку. Филин выпросил укол обезболивающего, после чего почувствовал себя и вовсе прекрасно.

Вернувшись в палату, Филин обнаружил там Копылова, который что-то просматривал в его телефоне.

– Назад положи, – процедил Филин.

– Спокойнее, – но Копылов все-таки вернул телефон на тумбочку. – Я просто посмотрел.

– Смотри в магазине. Пока у тебя нет постановления, не смей больше лапать мой сотовый, понял? – видя, что Копылов хмурится, Филин не выдержал и едко добавил: – Когда ты со своей подружкой снова попытаешься закрыть меня, можешь отыгаться. Но сейчас ты здесь не хозяин.

– Капитан, угомонись. Я пришел поговорить.

– И о чем?

– Что это было? Кто в вас стрелял?

– Не знаю. Я видел его, и все. Сегодня будем составлять фоторобот. Кто он такой, я не знаю.

Копылов выдержал паузу прежде, чем продолжить.

– Филин. Майор Хрулев уверен, что это вы убили своих бывших подружек.

– А ты нет?

– Я не знаю. Но я читал ваше личное дело... Вы опытный опер. Достаточно опытный, чтобы обставить все это более грамотно.

Филин сел на кровать, подозрительно косясь на Копылова.

– Вы тактику работы в американских фильмах подсмотрели, да?

– Вы о чем?

– Злой и добрый полицейский. Хрулев злой, ты добрый – все просто.

– Капитан, я пытаюсь узнать, в чем дело.

– Дело в том, что какая-то тварь убила двух моих бывших. Когда я попросил твоего Хрулева приставить защиту к третьей, к моей бывшей жене, он меня послал. Если убьют и Машу, я этому г... ну этого не прощу. Можешь так ему и передать.

Копылов долго думал, затем кивнул.

– Я попробую пробить этот вопрос. Думаю, это будет несложно.

– Спасибо.

Филин не ожидал такой реакции от УСБшника.

Впрочем, возможно, это была ловушка, чтобы Филин начал доверять Копылову. Но Филин такой ошибки совершать не собирался.

Как только Копылов ушел, Филин отправился к медсестре.

– Мне нужна моя одежда.

– Больной, ведите себя нормально, – проворчала медсестра. – То одно ему, то другое, да еще и хамит... В палату к себе идите.

– Я выписываюсь.

– Что?

– Одежду мне верните, вашу мать, или мне самому тут все перерыть?

Медсестра с неожиданной сноровкой для себя решила вопрос с одеждой, и уже через десять минут упитанная санитарка принесла Филину пакет с его вещами. Джинсы Филин натянул без труда, а вот с прострелянной в плече и перепачканной засохшей кровью курткой пришлось попотеть – левая рука слушалась плохо. А при каждом движении плеча внутри ворчала сонная после обезболивающего боль.

Прибежал врач.

– Вы что творите? Какой выписываться? У вас рана кровоточит, вы потеряли литра полтора крови...!

– Мне надо идти, – отрезал Филин.

– Вам ночью операцию сделали, вы головой думаете или чем? А если заражение?

В этот момент в кармане Филина завибрировал телефон. Звонил Басов.

– Лови фотографии, – буркнул в трубку майор. – Паспортные данные Сватенко, список судимостей и приводов и фотография. И ориентировка. Чувак, оказывается, в федеральном розыске. В общем, лови.

– Спасибо, Дим, за мной должок.

Филин, отключившись, наконец натянул до конца куртку, морщась от боли. Хорошо, что черная – пятна от крови не так бросаются в глаза. Врач продолжал причитать:

– Если вам станет хуже, я снимаю с себя всякую ответственность, вы слышите? Куда вам спешить, умирает кто-то, что ли?

– Не поверите, но может умереть, – на полном серьезе кивнул Филин.

Телефон снова прожужжал – MMS от Басова. Нажав на кнопку, Филин увидел три полученных файла. Открыл первый. Стандартные данные – ФИО, адрес по прописке, паспортные данные...

– Тогда вам нужно подписать документ, – не унимался врач. – Если вас найдут умирающим, наша совесть будет чиста.

Хороший мужик, подумал Филин, листая полученные файлы, а вслух ответил:

– Буду загиняться – сразу вернусь, доктор, обещаю.

И вдруг он замер.

Третьим полученным от Басова файлом было фото Сватенко, переснятое из его личного дела. С экрана дисплея на Филина смотрел короткостриженный светловолосый тип средних лет. Стрелявший в него ночью убийца.

Сватенко.

2

Попцов отдежурил меньше 10 часов, но больше всего на свете он мечтал о тихой ночи. Чтобы было как можно меньше вызовов, и он мог хотя бы пару часов подремать на продавленном диванчике в их с Филиным кабинете.

Днем вереницей шли заявители, некоторых из которых, правда, удалось отшить. В паузах Попцов, как всегда на дежурствах, принимал терпил и свидетелей по текущим делам. А ближе к вечеру пошли вызовы. Сначала сработала тревожная кнопка в только что закрывшемся магазине. На месте уже были ребята из ОВО, которые в соседнем дворе прихватили воришек – те стянули из магазина несколько бутылок водки и бросились немедленно их распивать. Безмозглые тупые маргиналы. Для Промышленного – типичная картина.

Попцов, несмотря на проведенные на этой «земле» годы, с каждым месяцем все больше ненавидел район. И мечтал он лишь об одном – побыстрее свалить. Куда угодно и как угодно – лишь бы попасть в нормальное подразделение на нормальной территории. Например, в Южном – там были новостройки, в которых селились в основном зажиточные семьи. Картина преступности была под стать: иногда угоны, иногда уличные гоп-стопы. Больше заказух, зато гораздо, гораздо меньше бытовых в грязных клоповниках и алкашских притонах.

На квартальных начальство всегда ставило Южный в пример. Самый низкий процент бытовых и имущественных преступлений. Начальство интересовал только процент. И, хотя каждый понимал, в чем соль, у начальства на все был ответ один: «Плохо стараетесь».

Когда Попцов на белой «Газели» с надписью «Дежурная часть» на синей полосе вдоль корпуса возвращался с вызова в магазин, поступил очередной вызов. ППСники обнаружили труп на улице Электрической, 51.

Это была стройка. Раньше Попцов работал на этой земле, до того, как его перебросили на участок к Филину путем очередного дележа участков среди оперов-территориалов. Стройку он знал: когда-то здесь хотели построить магазин или мастерскую, но по каким-то причинам работу забросили. Стройка стала вечным долгостроем.

Когда фургон полз по Электрической, Попцов кивнул водителю на столб:

– Тут камера «Безопасного города». Если там криминал, наверняка уроды на пленке засветились. От стройки только одна дорога – на улицу.

– Ага, – без всякого интереса буркнул водитель.

Фургон свернул с улицы и по ухабистой дорожке пополз к долгострою, который кривым скелетом замер метрах в 20 от проезжей части. Там уже стояла машина ППС. Выпрыгнув из «Газели», Попцов увидел Самохина.

– Ты опять в ночную?

– Я уже месяц в ночную, – вздохнул тот. – Забыл что ли, после дня полиции...?

Самохин в тот день напился в райотделе и перепутал дверь раздевалки с туалетом. Ему влепили выговор и отправили в качестве сурового наказания в ночную смену – до исправления.

– Как у Филина дела?

– В больничке вроде, – отозвался Попцов.
– Не заезжал к нему?
– Кто меня отпустит? Я на дежурстве. Что тут?
– Да наркоша какой-то. Там, в углу сидит, скрючился как г... но, – Самохин махнул на здание долгостроя.

– Криминала нет?
– Ты опер, ты и решай.

Чертыхаясь, Попцов двинулся на стройку, перешагивая через пустые и мятые пластиковые бутылки от пива, шприцы и прочий мусор. Внутри воняло дерьмом, было грязно и пыльно. Осмотревшись, Попцов увидел в углу скрючившийся в позе зародыша силуэт.

– У него жгут на руке, а рядом шприц, – поведаль Самохин, заходя следом.

– Так передоз голимый, нафига нас вызвали?

– Ээ, нет, Попцов. У каждого своя работа, я свою знаю. А это твоя.

– Урод ты, – охарактеризовал опер коллегу и направился к трупу. Тот сидел в позе зародыша, поджав к груди колени и уронив на них голову. Рука лежала рядом, на ней выше локтевого сгиба был натянут грязный резиновый жгут. Рядом валялся шприц. Попцов, вздыхая, достал из папки резиновые перчатки и, натянув их, склонился к трупу. Закинул его голову.

Глаза были открыты, Попцов невольно вздрогнул от вонзившегося в него стеклянного взгляда мертвеца. А взглядевшись в лицо, невольно выругался.

– Что? Знаешь его?

– Еще как, – кивнул Попцов мрачно. – Мы с Филиным много раз этого придурка держали... Вот черт... Самохин, тут может быть и не передоз ни фига. Вызывай-ка группу.

Основания у него были веские.

Скрючившимся наркоманом был Клаус.

От больницы до Промышленного ОВД, теперь носившего безликое название ОМВД №3, Филин добрался на такси. Выйдя из машины и расплатившись с водителем, довольно заметил на парковке перед зданием свою машину.

Навстречу Филину выбежал набыченный Басов.

– Дим, спасибо, что тачку мою пригнали.

– В ж... пу твою тачку, – выпалил Басов. – Ты ох... ел? Тебе минимум дня 3—4 еще в больничке валяться надо! Кого из себя строишь? А я в отделе показываться тебе запретил, забыл?

– А я терпила, забыл? – парировал Филин. – Давай бумагу, заяву буду писать.

Басов помялся, сплюнул и кивнул ему на дверь – мол, пошли со мной.

– Есть новости про Клауса? Не нашли его?

– Нашли, – буркнул Басов. – Откинулся твой Клаус.

– Что? – Филин похолодел. – Когда? Где?

– Ничего пока не знаю, Попцов сейчас на месте. Вернется – доложит.

В кабинете Басова Филин взял бумагу и ручку и принялся составлять заявление. А Басов хмуро сообщал все, что успел узнать о Сватенко.

– У Николая Сватенко погремуха Сват. В городе он не появлялся вроде как четыре года. С тех пор, как с обвинения в мокрухе соскочил. А последние полгода он в розыске.

– Кто объявил?

– Астрахань. Там его считают киллером. По оперданным, якобы работал на одну из местных бригад. Судя по ориентировке, на Свате минимум две заказухи. Полгода в федеральном розыске, но никакой информации, где он может быть. Я звонил в Астрахань, они там вообще подозревают, что его свои же по-тихому и убрали... Ты уверен, что это Сват в тебя стрелял?

– Это был он, Дим. Живее всех живых.

– Значит, перед нами профессиональный киллер, поздравляю, – невесело заключил Басов. – Но тогда я вообще не врубаюсь. Кто-то нанял киллера, чтобы он твоих баб убирал? – Басову пришла в голову забавная мысль, и он ухмыльнулся: – Слушай, Леха, а может, это жена твоя бывшая тебя вернуть решила, а? Ревнует и все дела? А чтоб снова не ушел, решила остальных твоих – того?

– Обхохочешься, ржака просто, – проворчал Филин. Заныло простреленное плечо. Поморщившись, опер продолжил писать. А Басов уже серьезно продолжил:

– Итак, смотри. Четыре года назад Сват свалил в Астрахань. Там примкнул к какой-то братве и заделался киллером. А может, он и здесь тем же самым занимался. А свалил, потому что менты на его след вышли. Сделал себе липовое алиби с помощью Клауса и свалил в Астрахань, пока менты еще чего-нибудь на него не нарыли. А теперь он решил вернуться. Или его кто-то выписал. Но факт такой: у него новый заказ. Сват мочит твоих бывших.

Филин был в смятении.

– Не просто мочит. Он приказал Клаусу пойти в комитет и заявить, что тот видел меня во дворе Карины. Второй раз Клаус делает, что ему скажет Сват. Походу, он его конкретно боялся... Но зачем? Я со Сватом никогда вообще не пересекался. Никогда.

Басов задумчиво закурил, почесал затылок.

– Может, его Штык заказал все-таки? Ты целый год в «Саванне» отирался и обс... рал ему всю малину.

Филин уже думал об этом. Учítывая, что серьезных врагов у него не было и быть не могло, Филин мысленно постоянно возвращался к Штыку.

– Не знаю... Даже если представить, что у Штыка в «Саванне» намечалось что-то крупное, что-то конкретное. Например, поставка кокаина. Или что-то еще, не знаю. Даже если так, все равно я не могу вехать: зачем, твою мать, убивать моих бывших? Зачем копаться в моей жизни, узнавать про них, – зачем все это? Ну мешал я Штыку – так закажи лично меня. Сват бы мне голову в подъезде проломил – и все. Никто никогда не нашел бы концов, понимаешь?

– Мда... А другие варианты у тебя есть?

Филин мрачно покачал головой, пододвигая заявление Басову. Тот вздохнул, пробежался глазами по тексту, кивнул.

– Порядок. Пошли к дежурному следаку, быстро опознание Свата по фотке проведем и начнем работать.

В коридоре они столкнулись с Попцовым – тот как раз шел к Басову, только вернувшись в отдел.

– Лех, ты как?

Попцов потянулся, чтобы обнять его, Филин отстранился и сам приобнял напарника:

– Осторожно. Я в такси плечо случайно задел – чуть не обделался. Что с Клаусом?

– Вызвал патологоанатома. Тот говорит – голимый передоз, никакого криминала.

– Хорошая новость, кстати, – отметил Басов. – Первый за последнюю неделю труп, который на тебя вешать не будут.

Но Филин не разделал его радости.

– У меня алиби, я в больнице был. Ром, ты следаку объяснил, что это вряд ли передоз? Надо вскрытие делать.

Попцов помрачнел.

– Не было возможности. Ты помнишь, что Клаус свидетель был против тебя? Туда сразу же Хрулев из УСБ прискакал. Меня он задвинул, сказал, что это теперь не наша забота.

Филин от души выматерился. Басов, с сочувствием на него покосившись, буркнул:

– Жду тебя у следака в триста третьем.

Попцов, как оказалось, только этого и ждал. Как только Басов исчез за поворотом коридора, Попцов выудил из кармана флэшку и протянул ее мрачному и подавленному Филину.

– Лех, это единственное, что я мог сделать.

– Что это?

– Клауса нашли в долгострое на Электрической. Это раньше была моя земля. Там на улице метрах в десяти от стройки камера наблюдения городская. Я по пути сейчас в главк заскочил и взял видео. Здесь картинка с камеры за последние сутки. Если Клауса замочили, его должны были привезти. А подъехать к стройке могли только с улицы, так что...

Филин благодарно кивнул.

Когда Филин вернулся домой, на пороге его встретила испуганная и взволнованная Катя. Филин, шипя от боли в плече, стащил с себя дырявую куртку. Увидев пропитанную кровью повязку на плече, Катя ахнула.

– Тебя... ранили? На самом деле? Я думала, ты шутил...!

– Дошутился. Кать, будь добра. На холодильнике коробка от обуви стоит, с лекарствами. Там обезболивающее. Принеси, а.

Филин, расположившись на диване, проглотил сразу две таблетки. Катя орудовала в приспособленной под аптечку коробке и нашла там бинты. Затем принесла какой-то тюбик с мазью.

– Смотри. Это заживляющая мазь. Хорошая очень штука. Для послеоперационных швов тоже подходит. Давай я тебе повязку поменяю?

– Затем ты с собой эту мазь носишь?

– Работа танцовщицей довольно травмоопасная штука, – улыбнулась она.

Катя помогла Филину стащить перепачканную кровью футболку. Затем ножницами осторожно разрешила старую повязку, критически осмотрела рану.

– Насколько там все страшно?

– Жить будешь.

– Слово врача или танцовщицы? Врачам я не особо доверяю.

Когда Катя наносила мазь, Филин зашипел. Катя вздрогнула.

– Больно, Леш?

– Терпимо.

– Как тебя угораздило? Ты тогда ночью куда поехал?

– Проведать одного наркомана. Он должен был ответить на пару вопросов.

– Ответил?

– Он мертв, – видя, как напряглась Катя, Филин хмыкнул. – Это не я, если тебя интересует. Я убиваю только своих бывших подружек, а наркоманов не трогаю, забыла? – Катя невестело улыбнулась. Филин посмотрел, как она быстро и аккуратно наматывает слои бинта ему на плечо. – Где ты этому научилась?

– У меня мать медсестрой была на «скорой». Я еще и не это умею, – закончив с перевязкой, она отстранилась и, посмотрев на свою работу, кивнула. – Ну вот, теперь лучше. Завтра надо будет еще бинтов купить и мазь с антибиотиком, чтобы инфекция не пошла...

– Кать, успокойся, – улыбнулся Филин. – Все нормально. Спасибо. Расслабься, ты чего как на иголках вся?

– Я так испугалась, – призналась она. – Ты когда уехал, я до утра ждала... Не заметила, как уснула. Проснулась – тебя нет. Я давай звонить, трубку никто не берет. Я не знала, что делать. Бежать? А куда?... Ты не представляешь, как я волновалась.

– Представляю, – успокаивающе Филин взял ее за руку. – Я тоже волновался. За тебя.

Оба почувствовали, что момент настал. Катя поцеловала его и обвила руками – так, чтобы не задеть плечо.

В отличие от предыдущих его пассий, после секса Кате не нужны были душевные разговоры. А может быть, и нужны – но не сейчас. Она переволновалась, и поняв, что хотя бы самые

страшные опасения не сбылись, мирно засопела на его здоровом плече. Обнимая девушку, Филин чуть улыбался, глядя в потолок. Говорят, что секс полезен для здоровья. Насчет здоровья Филин уверен не был, но его нервная система явно почувствовала себя лучше. Интересно, чем все это закончится, подумал опер.

А потом зазвонил сотовый телефон.

Катя вздрогнула. Вскочив, Филин нашел глазами горящий дисплей на столе у стены. Его телефон, с зарегистрированной на его имя сим-картой. Тот самый телефон. Шагнув к столу, Филин увидел имя абонента на дисплее, и его на секунду парализовал ужас.

«Маша».

– Кто это? – сонно пробормотала Катя.

– Моя бывшая жена, – хрипло отозвался Филин, во все глаза пялящийся на дисплей. «Маша». На часах половина первого ночи. Просыпаясь, Катя поняла, что с Филиным, и по ее лицу пробежал страх.

– Думаешь, это...?

– Это он, – сказал Филин, не веря в то, что этот момент настал. Полное дежавю, разве что в квартире он не один, рядом Катя. А в остальном... Ночь, вибрирующий телефон – и имя очередной его бывшей на дисплее. – Это он, Катя. Он пришел за моей бывшей женой. Он у нее. И звонит мне.

Катя похолодела.

– Ты... ответишь?

Филин, не отвечая и лишь сжав зубы, бросился к брюкам. Он лихорадочно соображал.

– Ему нужно, чтобы я ответил. Он всегда ждет. Ему нужно поиздеваться, помолчать в трубку. Посмотрим. Тварь, убью...!

Плечо ныло, но не раскалывалось дикой болью благодаря недавно проглоченным таблеткам. Филин схватил травматик, сунул за пояс. Затем сорвал со стола оба сотовых телефона и молнией бросился к двери.

– Закройся!

Кубарем он скатился по лестнице вниз, рванул к своей машине. Двигатель взревел. Ночью подмораживало, но времени на прогрев двигателя не было. Филин вдавил педаль газа в пол, и машина, ревя, рванула с места.

Телефон звонил. «Маша», – призывал дисплей. Звони, звони еще, жди моего ответа, мысленно кричал Филин. Схватив второй мобильник, он по памяти набрал сотовый Попцова.

– Рома, ты где? Знаю, что на дежурстве! Он позвонил! Звонит мне прямо сейчас, с телефона Маши! Он там! Бросай все и дуй туда! Я тоже еду! Карьерная, 18, квартира 40! Слышишь? 18, квартира 40! Давай, братан, давай!!

Отключившись, Филин лишь добавил газа и нажал кнопку аварийки.

Телефон звонил. «Маша», – гласил дисплей.

– Давай, жди ответа, сука, жди ответа, – цедил сквозь зубы Филин.

Рыча, как бешеный зверь, и вспыхивая всеми габаритами, чтобы отпугнуть возможного лихача с пути, машина неслась по пустынным ночным улицам Промышленного района.

Телефон замолчал, экран потух.

– Нет! Тварь, почему! Нет!

Колотя рукой по рулю и не обращая внимания на ноющую руку, Филин несся вперед. До дома Маши было минут 8–10.

– Успеешь, Филин! Ты успеешь, давай, давай!

На перекресток вылетела быстрая «Дэу». Филин вдавил руку в клаксон и успел дернуть руль, избежав столкновения. А через секунду он был уже в полусотни метров.

Телефон зазвонил. Филин радостно захохотал, как безумный:

– Молодец! Да! Звони! Дозвонись до меня! Тебе это важно! Звони еще, звони мне!

На перекрестке Филина занесло, – он почувствовал удар об бордюр. Телефон свалился на коврик под сиденьем.

Филин взвыл от ярости и до отказа вжал ногу в педаль акселератора. Ревя так, словно готова сорваться с земли и рвануть ввысь, машине неслась вперед. На полном ходу Филин, матерясь, на чем свет стоит, Филин нащупал телефон. «Маша» – напоминал дисплей.

– Давай-давай-давай! Имей терпение!

Когда он выпрямился, навстречу неслась машина. Филин резко дернул руль в сторону. Машина исчезла, как проносящаяся мимо пуля, оставив после себя лишь звук возмущенного клаксона.

6—7 минут до дома Маши.

«Маша», – кричал вибрирующий телефон. Это было самым главным.

– Звони! Звони! Сделай все, чтобы дозвониться!

До дома Маши оставалось 4—5 минут. С Маловской на Крылова, по Крылова до Магнитской, свернуть на Карьерную – и через 15 секунд ты на месте.

Телефон издал последнюю вибрацию и замер.

– Нет! Не молчи! Перезвони мне, сука! Быстро перезвони!

Машина рычащей ракетой неслась по ночной пустынной улице.

Телефон молчал. Филин яростно долбанул по рулю.

Две минуты до дома Маши.

– Сука! Дождись меня, сука!

Ему оставалось лишь материться себе под нос, трясясь от ярости, и давить на газ.

Уже через три минуты машина Филина влетела во двор. И он резко дал по тормозам, увидев подъезд Маши. Перед ним, вспыхивая мигалками, стояла машина ППС. Филин замер, тяжело дыша и пытаясь сообразить, что делать. Менты здесь! Попцов молодец, успел приехать ближайший наряд! Но... есть ли результат? Во двор с другой стороны влетела дежурная «Газель» и замерла около машины ППС. Из «Газели» выбежал Попцов и помчался в подъезд.

Выйдя из машины, Филин побежал вперед. А вдруг? Вдруг они его взяли? Филин, боясь сглазить, уже предвкушал, как он выбьет этой твари все зубы. Из машины ППС к Филину выбежал сотрудник, но поздно – Филин, даже не глянув на него, влетел в подъезд.

Он взмахнул по лестнице на второй этаж. И налетел на выходящего из квартиры Попцова.

– Ну? Взяли? Он здесь?

Но, видя мрачное лицо Попцова, Филин все понял. Сжав зубы, он спросил лишь одно:

– Маша?

– Мертва, – пришлось выдавить Попцову. – В ванной. Вода теплая. Это было только что. Лех... мне жаль.

Филин почувствовал, как перед глазами все плывет. А может быть, это перестали действовать таблетки. Прислонившись спиной к стене, он закрыл глаза.

– Объяви «Перехват». Он где-то в районе. Дранных три минуты назад он еще звонил мне. Объяви «Перехват», Ром.

Из квартиры хотел выйти ППСник, но Попцов рявкнул на него, не давая шагнуть в подъезд

– Охраняй место преступления, сказал! – захлопнув дверь перед ППСником, Попцов резко повернулся к Филину и зашипел, стараясь, чтобы его не услышали за дверью: – Лех, ты должен валить! Тебе нельзя здесь оставаться! Третий труп в ванной, ты прикинь?! И снова твоя баба! Это ж, б... дь, ЧП! Уже через минуту об этом будет знать все начальство и УСБ! Они возьмут тебя прямо здесь! И больше не отпустят. Леха, вали!

Филин понял, что Попцов прав. Хлопнув его по плечу, Филин побежал вниз. Сил уже не было, но Филин зарычал, накручивая себя яростью. Это помогло.

Когда он выбежал из подъезда, стоящий около машины ППС сержант бросил микрофон рации и вскинул автомат:

– Филин, ты? А ну стой! У меня приказ!

– Какой нахрен приказ? – ошалело спросил Филин, разводя руки и идя на сержанта. – Чувак, я только что сюда прибежал, у тебя на глазах, ты че, э?

Тараторя, Филин приблизился к сержанту. Сержант колебался, неуверенно тыча перед собой автоматом. Все-таки коллега... Филин левой рукой дернул ствол автомата в сторону, взыв от боли в плече, а правой выхватил травматик и воткнул сержанту в грудь.

– Наручники достал и себя к зеркалу приковал, быстро! – видя, что сержант лишь пораженно выкатил глаза, Филин рявкнул: – Ты не понял? Быстро!

Сержант испуганно выдохнул и в мгновение ока выполнил приказ. Филин отбросил автомат в сторону и рванул к своей машине. На бегу обернулся.

– Сержант, извини!

– Иди на х...! – донесся до него голос сержанта. Но Филин уже прыгал за руль машины.

Когда из подъезда выбежал Попцов, машина Филина уже, рыча, исчезла за поворотом.

Мчась домой, Филин схватил второй сотовый и позвонил Кате.

– Одевайся! Бери свою сумку и мой кошелек на столе! В шкафу сумка, брось туда что-нибудь из моей одежды еще – и уходи! Не медли, сразу на улицу! Скоро они придут!

Они пришли не просто скоро – они примчались к Филину домой стремительно скоро. С грохотом мощной кувалдой спецназовцы выбили входную дверь квартиры опера, внутрь со стуком влетела световая граната. Через миг она озарила квартиру нереально ослепляющей вспышкой, а в комнату под прикрытием бронешита рванули вооруженные спецназовцы. Группа автоматчиков в масках в течение секунды рассредоточилась по квартире, проверив каждый угол.

– Чисто. Чисто. Чисто!

В квартиру, в бронежилете поверх пиджака и с табельным стволом в руке, шагнул разъяренный Хрулев. Осмотревшись, сразу увидел распахнутый шкаф и разбросанные около него второпях вещи. Часть вешалок была пуста.

– Он взял вещи и свалил, выродок, – достав сотовый телефон, Хрулев набрал чей-то номер и прорычал в микрофон: – Филина в розыск, сейчас же!

3

Крохотная спальня старого частного дома на окраине Промышленного района, в глухом частном секторе, имела свое окно. Оно смотрело на улицу. Приоткрыв форточку, Филин курил у окна и внимательно смотрел в окно. Покосился на часы. Половина четвертого. Еще одна безумная ночь. И каждая безумнее предыдущей. А что впереди – неизвестно.

Мимо проехала машина, подсакивая на ухабах. Филин вцепился в нее взглядом. Раздолбанная «девятка», внутри двое типов, меньше всего похожих на ментов. Когда машина скрылась, Филин снова покосился на часы и, затушив сигарету в пустой банке от пива, вернулся в комнату.

Катя, обняв колени, сидела в старом скрипучем кресле и тревожно смотрела на него.

– Кто здесь живет, Леш?

– Мой знакомый.

– У него рожа уголовника, – поежилась Катя.

– А он и есть уголовник, – видя, как девушка выкатила на Филина глаза, он усмехнулся. – Что? Я опер. С кем, по-твоему, я должен общаться? С филателистами? – подойдя к Кате, Филин ободряюще погладил ее по голове. – Не волнуйся. Он свой человек. Проверенный. Себе на уме, но он не кинет.

– Надеюсь...

Филин вздохнул. Достал из кармана заранее приготовленные деньги, около 5 с половиной тысяч, и протянул Кате.

– Что это?

– Возьми. Это все, что у меня есть. Завтра едь на вокзал, садись к бомбиле и едь в Елецк.

– Что? Теперь? – изумилась Катя. – После того, как мы... – она запнулась, на миг растерявшись, но тут же категорично мотнула головой. – Ну уж нет.

– Кать...

– Я не такая скотина, чтобы бросать тебя. Ты же меня не бросил, хотя у тебя проблемы похлеще моих будут.

Филин от недосыпа и переутомления был раздражен, но пытался говорить спокойно и убедительно.

– Кать, елки-палки, это не шутки. Меня наверняка уже в розыск объявили...

– Ну и что? – уперто выпалила она. – Хватит, Леш. А деньги оставь. Они тебе сейчас самому пригодятся.

Филин вдруг замер. Было слышно, как к дому подъехала машина. Хлопнула дверца. Скользя в спальню, Филин прильнул к окну. Но все, что он увидел – удаляющийся свет фар. Машина приехала и сразу же уехала. А затем раздался стук калитки во дворе. Филин выхватил из-за пояса пистолет и быстро шагнул в прихожую.

– Свои, не стреляй, командир, – заворчал Тютюня, заходя в дом и запирая дверь на засов. – Ну что, распаковались?

– Где ты оставил мою тачку?

– Где вы и сказали, Борисыч. Во дворе того опера, Попцова.

– Ключи?

– Бросил в его почтовый ящик. Говорю же, все, как сказали. Сюда доехал на такси. Не парьтесь, Борисыч, все чики-пуки.

– Ничего не чики-пуки, Тютюня, – буркнул Филин. Помедлив, добавил: – Спасибо. За тачку и вообще, что согласился приютить нас. Я этого не забуду.

Копылова подняли на ноги среди ночи. Копылову пришлось работать с убийщиками из главка на месте преступления – в квартире Марии Филиной. Тем временем розыскная машина заработала на полный ход. Во все райотделы города и на посты ДПС полетели ориентировки на Филина. Еще до семи утра его фотографию получил каждый ППСник и постовой города. Операция «Перехват» также шла полным ходом, но ближе к утру стало ясно, что результата она не принесла – машина Филина как сквозь землю провалилась. Когда Копылов после перекуса в кафетерии ГУВД вернулся в кабинет, Хрулев висел на телефоне.

– Привлечь ДПС и экипажи вневедомственной, значит, – командовал он в трубку. – Промышленный район большой, но мне плевать. Я готов поклясться, что Филин где-то там, в Промышленном. Там его земля, там его агентура и знакомые. Надо прочесать все дворы – и тачка найдется. Вопросы еще есть? Вот и ладно. Докладывать каждый час мне на сотовый, все ясно?

Хрулев бросил трубку и сразу направился к чайнику, налить себе кофе.

– Ох и работы этот выродок задал... Шеф сказал, какой-то корреспондент из Москвы уже звонил. Ты прикинь, Копылов? Резонанс на всю страну! – Копылов лишь неуверенно кивнул. – Что на месте убийства? Отпечатки есть?

– Как всегда, ни одного. – Копылов помедлил, решаясь начать разговор. – Послушайте, Юрий Васильевич... Тот ППСник, на которого Филин напал... Он говорит, что Филин приехал во двор уже после.

– И что? Опять мозги нам е... т, мозго... б хренов. Как он там вообще оказался, а? Ты думал об этом?

– Был звонок с ее номера на его, – неуверенно сказал Копылов, кивая на лежащую на его столе распечатку звонков.

– Вооот. Опять его фокусы. Типа я не виноват, я приехал уже после вас. Отмазаться, гнида, хочет. А бабы продолжают умирать. Чикатило х... в. – высказавшись, Хрулев уселся в кресло, а затем подозрительно посмотрел на подчиненного. – А к чему ты это ведешь, Копылов? Что-то не так?

– Филин просил наружку или охрану к его бывшей жене приставить, – помедлив, ото-звался Копылов. – Несколько раз просил. Если он собирался ее убивать... зачем?

– Затем же, зачем он все это делает. Чувак слетел с катушек, Копылов! Его шеф у него в корешах, покрывает его. А у меня есть показания коллег, они говорят, что Филин выпивал часто. Стрессы, выпивка и все такое. Вот и потекла крыша у оперка. Забыл того придурка, который двух ментов прямо в дежурке расстрелял? Вопрос – зачем? Да потому что крыша съехала.

Копылов помолчал, но сдаваться не собирался. Осторожно он произнес:

– А тот наркоман, Кириллов. По кличке Клаус. Вы сказали, что его убили.

– Все так. Провели вскрытие, его траванули каким-то г... ном с примесью героина. Чтобы было похоже на передоз. А еще на вскрытии нашли синяки на его руке. Его держали, чтобы вколоть укол. Мокруха налицо. Уже четвертая, кстати. Просто потому, что бедный торчок осмелился дать показания на опера.

– Только... – Копылов кашлянул, но все же продолжил: – Филин был в больнице, когда Клаус умер. Это факт.

Хрулев сжал зубы и прищурился, буравя Копылова взглядом.

– Я что-то не пойму. Ты к чему клонишь? Хочешь сказать, не Филин это?

– Я просто хочу сказать, что не все сходится...

– Все сходится, – процедил Хрулев. – У Филина есть сообщник из числа местных уркаганов или наркоманов. Именно он звонил с телефонов этих телок, чтобы запутать всех, – говоря, Хрулев все больше распылялся. – А на твой долбаный факт мне плевать. Филин был в больнице! Да он специально скомандовал вальнуть Клауса, пока в больнице валялся, чтобы обвинение развалить. Он опер, он знает, как такие дела делаются!

– Юрий Васильевич... А если все-таки это не так? Если это подстава на самом деле?

– Б... дь, как ты меня за... л, – зло протянул Хрулев. – Чья подстава? Сам Филин не может сказать, кто мог его подставить!

Копылов бросил на Хрулева быстрый взгляд.

– А если это Артюков из «Саванны»? Его имя на допросах Филина много раз всплывало. Как я понял, он целый год этого рецидивиста преследовал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.